

Иоганн Гете. Фауст

Перевод: Борис Пастернак

Вступительная статья и комментарии: Н. Вильмонт

М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.

OCR Бычков М.Н.

Трагедия

ГЕТЕ И ЕГО "ФАУСТ"

1

Советский читатель давно оценил бессмертное творение Иоганна Вольфганга Гете - его трагедию "Фауст", один из замечательных памятников мировой литературы.

Великий национальный поэт, пламенный патриот, воспитатель своего народа в духе гуманизма и безграничной веры в лучшее будущее на нашей земле, Гете - бесспорно одно из наиболее сложных явлений в истории немецкой литературы. Позиция, занятая им в борьбе двух Культур, - а они неизбежно содержатся в "общенациональной" культуре любого разделенного на классы общества, - не свободна от глубоких противоречий. Идеологи реакционного лагеря тенденциозно выбирали и выбирают из огромного литературного наследия поэта отдельные цитаты, с помощью которых они стараются провозгласить Гете "убежденным космополитом", даже "противником национального объединения немцев".

Но эти наветы не могут, конечно, поколебать достоинства и прочной славы "величайшего немца" (Ф. Энгельс).

Когда б не солнечным был глаз,
Не мог бы солнце он увидеть, -
сказал когда-то Гете. Глаза современного передового человечества достаточно "солнечны", чтобы различить "солнечную" природу творчества Гете, прогрессивную сущность той идеи, которая одушевляет его бессмертную драматическую поэму.

Упрочивший свое всемирное значение созданием ""Фауста", Гете меньше всего - "автор одной книги". Да это и не мирилось бы с основной чертой его личности, его поразительной универсальностью.

Крупнейший западноевропейский лирик, в чьих стихах немецкая поэзия впервые заговорила на подлинно народном языке о простых и сильных человеческих чувствах, Гете вместе с тем - автор широко известных баллад ("Лесной царь", "Коринфская невеста" и др.), драм и эпических поэм и, наконец, замечательный романист, отобразивший в "Страданиях юного Вертера", в "Вильгельме Мейстере", в "Поэзии и правде" духовную жизнь целого ряда поколений немецкого народа.

Однако и столь разнообразной литературной деятельностью не исчерпывается значение Гете. "Гете представляет, быть может, единственный в истории человеческой мысли пример сочетания в одном человеке великого поэта, глубокого мыслителя и выдающегося ученого" {К. А. Тимирязев, Гете - естествоиспытатель. Энциклопедический словарь, изд. Гранат, т. XIV, стр. 448.}, - писал о нем К. А. Тимирязев.

Подобно русскому чудо-богатырю Михаилу Ломоносову, Гете совершал великие трудовые подвиги на любом поприще, к какому бы он ни приложил свою руку. В сферу его исследований и научных интересов вошли геология и минералогия, оптика и ботаника, зоология, анатомия и остеология; и в каждой из этих областей естествознания Гете развивал столь же самостоятельную, новаторскую деятельность, как и в поэзии.

В такой универсальности Гете его буржуазные биографы хотели видеть только заботу "великого олимпийца" о всестороннем гармоническом развитии собственной личности. Но Гете отнюдь не был таким "олимпийцем", равнодушным к нуждам и чаяниям простого народа. Иначе как с этим совмещались бы такие высказывания поэта, как: "Падение тронов и царств меня не трогает; сожженный крестьянский двор - вот истинная трагедия", или слова Фауста из знаменитой сцены "У ворот":

А в отдаленье на поляне
В деревне пляшут мужики.

Как человек, я с ними весь:
Я вправе быть им только здесь.

Обращение Гете к различным литературным жанрам и научным дисциплинам теснейшим образом связано с его горячим желанием разрешить на основе все более обширного опыта постоянно занимавший его вопрос: как должен жить человек, ревнуя о высшей цели? Не успокоенность, а борьбу, упорные поиски истины всеми доступными путями и способами - вот что на деле означала универсальность Гете. Занимаясь естествознанием, вступая, по выражению поэта, "в молчаливое общение с безграничной, неслышно говорящей природой", пылливо вникая в ее "открытые тайны", Гете твердо надеялся постигнуть заодно и "тайну" (то есть законы) исторического бытия человечества.

Другое дело, что путь, которым шел Гете в поисках "высшей правды", не был прямым путем. - "Кто ищет, вынужден блуждать", - сказано в "Прологе на небе", которым открывается "Фауст". Гете не мог не "блуждать" - не ошибаться, не давать порою неверных оценок важнейшим событиям века и движущим силам всемирно-исторического процесса уже потому, что вся его деятельность протекала в чрезвычайно неблагоприятной исторической обстановке, в условиях убогой немецкой действительности конца XVIII - начала XIX века.

Германия того времени была, как писал Ф. Энгельс, "...одна отвратительная гниющая и разлагающаяся масса... Крестьяне, ремесленники и предприниматели страдали вдвойне - от" паразитического правительства и плохого состояния дел... Все было скверно, и во всей стране господствовало общее недовольство. Ни образования, ни средств воздействия на сознание масс, ни свободы печати, ни общественного мнения, не было даже сколько-нибудь значительной торговли с другими странами - ничего кроме подлости и себялюбия... Все прогнило, расшаталось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что нация не имела в себе силы даже для того, чтобы убрать разлагающийся труп отживших учреждений" {К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, 2-е изд., т. 2, стр. 581-562.}.

В отличие от своего русского современника и бывшего однокашника по Лейпцигскому университету, А. Н. Радищева, философски обобщившего опыт крестьянских восстаний, которыми была так богата история России XVIII века, Гете должен был считаться с бесперспективностью народной революции в тогдашней Германии. Ему пришлось "существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать..." {Там же, т. 4, стр. 233.}

Отсюда ущербные стороны в мировоззрении Гете; отсюда двойственность, присущая его творчеству и его личности. "Гете в своих произведениях двояко относится к немецкому обществу своего времени, - писал Ф. Энгельс, - ...он восстает против него, как Геи, Прометей и Фауст, осыпает его горькими насмешками Мефистофеля. То он, напротив, сближается с ним, "приноравливается" к нему... защищает его от напирającego на него исторического движения... в нем постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и осмотрительным сыном франкфуртского патриция, достопочтенным веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключать с этим убожеством перемирие и приспособливаться к нему. Так, Гете то колоссально велик, то мелок; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер. И Гете был не в силах победить немецкое убожество; напротив, оно побеждает его; и эта победа убожества над величайшим немцем является лучшим доказательством того, что "изнутри" его вообще нельзя победить" '.

Но Гете, конечно, не был бы Гете, не был бы "величайшим немцем", если б ему порою не удавалось одерживать славные победы над окружающим его немецким убожеством, если бы в иных случаях он все же не умел возвышаться над своей средой, борясь за лучшую жизнь и лучшие идеалы.

Человеком был я в мире,
Это значит - был борцом! -
говорил о себе поэт на склоне своей жизни.

Юношей - вслед за Лессингом и в тесном сотрудничестве со своими товарищами по литературному течению "Бури и натиска" - он восставал на захолустное немецкое общество, гремел против "неправой власти" в "Прометее", в своих мятежных одах, в "Геце фон Берлихингене" - этом "драматическом восхвалении памяти революционера", как определил его Ф. Энгельс {К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, 2-е изд.; т. 4, стр. 232-233.}.

Призыв к возобновлению немецких революционных традиций XVI века, когда "у немецких крестьян и плебеев зарождались идеи и планы, которые достаточно часто приводят в

содрогание и ужас их потомков" {Там же, т. 7, стр. 345.}, к насильственному упразднению феодальной раздробленности Германии (тогда насчитывавшей более трехсот самостоятельных княжеств) и к созданию единого централизованного немецкого государства - таковы политические тенденции драматического первенца Гете, этой поистине национальной исторической драмы. Не удивительно, что юный автор "Геца фон Берлихингена" стал популярнейшим писателем Германии.

Уже не всегерманскую, а всемирную славу принесло молодому Гете его второе крупное произведение - "Страдания юного Вертера", роман, в котором автор с огромной силой показал трагическую судьбу передового человека в тогдашней Германии, всю гибельность дальнейшего существования феодальных порядков для общества и для отдельного человека.

Но Гете действовал в стране, где не было силы, способной покончить с феодализмом. Ни один призыв к изменению социального строя не находил отклика в условиях раздробленной Германии. Немецкое бюргерство, убежденное в своей бессилии, страшилось революционного союза с народными массами, шло на сделку с феодализмом, предпочтя революционному действию путь непрерывных компромиссов и половинчатых решений - иначе "прусский путь" капиталистического развития, как назвал его В. И. Ленин. Подавленный таким оборотом исторических событий, Гете тоже пошел на некоторое "примирение"...

Отчасти именно потому, что Гете был натурой активной, волевой, он не мог довольствоваться только мечтами о далеком светлом будущем. Ему хотелось уже теперь возможно больше влиять на ход жизни, и раз действительность не могла быть радикально перестроена, то влиять на нее, найдя себе место в существующем обществе. Только в этой связи можно понять поступление Гете на службу к веймарскому герцогу Карлу Августу. Отъезжая в Веймар, поэт лелеял надежду добиться решительного улучшения общественного уклада хотя бы на малом клочке немецкой земли, во владениях молодого герцога, с тем чтобы этот клочок земли послужил образцом для всей страны, а проведенные на нем реформы (отмена крепостных повинностей и феодальных податей, введение единого подоходного налога, который бы распространялся на все сословия и состояния и т. д.) стали бы прологом к общенациональному переустройству немецкой жизни.

Надежды эти, как известно, не оправдались. По настоянию веймарского дворянства Карл Август приостановил начатые реформы.

Перед лицом такого крушения своих заветных планов Гете не мог не ощутить всей бессмысленности своего дальнейшего пребывания на веймарской службе. "Не понимаю, - писал он тогда близкому другу, - как это судьба умудрилась припутать меня к управлению государством и княжескому дому?.. Меня уже не удивляет, что государи большею частью так вздорны, пошлы и глупы... Я повторяю, кто хочет заниматься делами управления, не будучи владетельной особой, тот либо филистер, либо негодяй и дурак". Политические несогласия с герцогом, придворные дрязги, отвращение к ничтожному веймарскому обществу побудили Гете бежать в Италию. Правда, он вскоре идет на компромисс, после двухлетней отлучки возвращается на службу к Карлу Августу, но уже только в качестве советника, ведавшего делами просвещения.

Лишь в связи с крушением его политических надежд можно понять новый этап в творчестве Гете, его переход к классицизму. В отличие от ранних, мятежных его творений, призывавших к безотлагательному переустройству немецкой общественной жизни, произведения Гете его классической поры отмечены печатью смирения, отказа от мятежа: "Не для свободы люди рождены", - восклицает его Тассо.

Обращаясь к формам античного искусства, насаждая новый классицизм у себя на родине, Гете стремился отнюдь не только к созданию "автономной области идеальной красоты", как утверждают буржуазные ученые, но и к тому, что впоследствии его друг и соратник Шиллер называл "эстетическим воспитанием" человека, заботой о том, чтобы человек "и в этой грязи был чистым, и в этом рабстве свободным".

Но пока Гете тщился преодолеть немецкое убожество "изнутри", во Франции разразилась буржуазная революция 1789 года. Гете отнесся к ней с филистерским недоверием и, даже позднее уже признав ее благотворное воздействие на развитие человеческого общества, считал "недопустимым и противоестественным" чтобы в его "мирном отечестве были вызваны искусственным путем такие же сцены, какие во Франции явились следствием великой необходимости". Классическим примером филистерского страха Гете перед историческим движением, напирющим на захолустное немецкое общество, может послужить его "Герман и Доротея". Гете не видел, что высшая цель всемирно-исторического развития, которая рисовалась его воображению, - "свободный край", населенный "свободным народом", - может быть осуществлена лишь в результате революционной самодеятельности масс.

Но, отклоняя революцию как метод, филистерски пренебрегая практикой революции, Гете с увлечением впитывал в себя ее идеологию, наиболее передовые, революционные теории,

порожденные" революцией, - идеи Бабефа, а позднее учение великих утопистов. Сен-Симона, Фурье, отчасти Оуэна.

Проникшийся величием передовых идей своего времени, Гете в значительной мере преодолевает и буржуазный индивидуализм, присущий теории "эстетического воспитания" Шиллера, & которым он, в свой "классический" период, разделял наивную веру в возможность воспитать "гармоническую личность" на почве захолустной, полуфеодальной Германии, в рамках существующего общественного строя. В "Вильгельме Мейстере" достижение "внутренней" гармонии ставится уже в прямую зависимость от возможности внести "гармонию" (то есть справедливый общественный уклад) в общество, в окружающую действительность. Во второй части романа ("Годы странствий Вильгельма Мейстера", 1829) подробно описывается хозяйственный строй, который пытаются осуществить Вильгельм и его единомышленники. Социальные идеи, которые высказывает здесь Гете, очень близки к рассуждениям Фурье о фаланге как о ячейке будущего общественного. строя.

"Фауст" занимает совсем особое место в творчестве великого поэта. В нем мы вправе видеть идейный итог его (более чем шестидесятилетней) кипучей творческой деятельности. С неслыханной смелостью и с уверенной, мудрой осторожностью Гете на протяжении всей своей жизни ("Фауст" начат в 1772 году и закончен за год до смерти поэта, в 1831 году) вкладывал в это свое творение свои самые заветные мечты и светлые догадки. "Фауст" - вершина. - помыслов и чувствований великого немца. Все лучшее, истинно живое в поэзии и универсальном мышлении Гете здесь нашло свое наиболее полное выражение.

2

"Есть высшая смелость: смелость изобретения, - писал Пушкин, - создания, где план обширный объемлет творческой мысли, - такова смелость... Гете в Фаусте" {"Пушкин-критик", Гослитиздат, 1950, стр. 129.}.

Смелость этого замысла заключалась уже в том, что предметом "Фауста" служил не один какой-либо жизненный конфликт, а последовательная, неизбежная цепь глубоких конфликтов на протяжении единого жизненного пути, или, говоря словами Гете, "чреда все более высоких и чистых видов деятельности героя". Такой план трагедии, противоречивший всем принятым правилам драматического искусства, позволил Гете вложить в "Фауста" всю свою житейскую мудрость и большую часть исторического опыта своего времени.

Самый образ Фауста - не оригинальное изобретение Гете. Этот образ возник в недрах народного творчества и только позднее вошел в книжную литературу.

Герой народной легенды, доктор Иоганн Фауст - лицо историческое. Он скитался по городам протестантской Германии в бурную эпоху Реформации и крестьянских войн. Был ли он только ловким шарлатаном, или вправду ученым врачом и смелым естествоиспытателем, пока не установлено. Достоверно одно: Фауст народной легенды стал героем ряда поколений немецкого народа, его любимцем, которому щедро приписывались всевозможные чудеса, знакомые по более древним сказаниям. Народ сочувствовал удачам и чудесному искусству доктора Фауста, и эти симпатии к "чернокнижнику и еретика", естественно, внушали опасения протестантским богословам.

И вот во Франкфурте в 1587 году выходит "книга для народа", в которой автор, некий Иоганн Шписс, осуждает "Фаустово неверие и языческую жизнь". Ревностный лютеранин, Шписс хотел показать на примере Фауста, к каким пагубным последствиям приводит людская самонадеянность, предпочитающая пытливая наука смиренной созерцательной вере. Наука бессильна проникнуть в великие тайны мироздания, утверждал автор этой книги, и если доктору Фаусту все же удалось завладеть утраченными античными рукописями или вызвать ко двору Карла V легендарную Елену, прекраснейшую из женщин древней Эллады, то только с помощью черта, с которым он вступил в "греховную и богомерзкую сделку"; за беспримерные удачи здесь, на земле, он заплатит вечными муками ада...

Так учил Иоганн Шписс. Однако его благочестивый труд не только не лишил доктора Фауста былой популярности, но даже приумножил ее. В народных массах - при всем их вековым бесправию и забитости - всегда жила вера в конечное торжество народа и его героев над всеми враждебными силами. Пренебрегая плоскими морально-религиозными разглагольствованиями Шписса, народ восхищался победами Фауста над строптивой природой, страшный же конец героя не слишком пугал его. Читателем, в основном городским ремесленником, молчаливо допускалось, что такой молодец, как этот Легендарный доктор, перехитрит и самого черта (подобно тому как русский Петрушка перехитрил лекаря, попа, полицейского, нечистую силу и даже самое смерть).

Такова же, примерно, судьба и второй книги о докторе Фаусте, вышедшей в 1599 году. Как ни вяло было ученое перо достопочтенного Генриха Видмана, как ни перегружена была его

книга осудительными цитатами из Библии и отцов церкви, она все же быстро завоевала широкий круг читателей, так как в ней содержался ряд новых, не вошедших в повествование Шписса, преданий о славном чернокожнике. Именно книга Видмана (сокращенная в 1674 году нюрнбергским врачом Пфизером, а позднее, в 1725 году, еще одним безымянным издателем) и легла в основу тех бесчисленных лубочных книжек о докторе Иоганне Фаусте, которые позднее попали в руки маленькому Вольфгангу Гете еще в родительском доме.

Но не только крупные готические литеры на дешевой серой бумаге лубочных изданий рассказывали мальчику об этом странном человеке. История о докторе Фаусте была ему хорошо знакома и по театральной ее обработке, никогда не сходявшей со сцен ярмарочных балаганов.

Этот театрализованный "Фауст" был не чем иным, как грубоватой переделкой драмы знаменитого английского писателя Кристофера Марло (1564-1593), некогда увлекшегося диковинной немецкой легендой. В отличие от лютеранских богословов и моралистов, Марло объясняет поступки своего героя не его стремлением к беззаботному языческому эпикурейству и легкой наживе, а неутолимой жаждой знания. Тем самым Марло первый не столько "облагородил" народную легенду (как выражаются некоторые буржуазные литературоведы), сколько возвратил этому народному вымыслу его бывшее идейное значение, затемненное книжками узколобых попов.

Позднее, в эпоху немецкого Просвещения, образ Фауста привлек к себе внимание самого революционного писателя того времени, Лессинга, который, обращаясь к легенде о Фаусте, первый задумал окончить драму не низвержением героя в ад, а громким ликованием небесных полчищ во славу пытливого и ревностного искателя истины.

Смерть помешала Лессингу кончить так задуманную драму, и ее тема перешла по наследству к младшему поколению немецких просветителей - поэтам "Бури и натиска". Почти все "бурные гении" написали своего "Фауста". Но общепризнанным его творцом был и остался только Гете.

По написании "Геца фон Берлихингена" молодой Гете был занят целым рядом драматических замыслов, героями которых являлись сильные личности, оставившие заметный след в истории. То это был основатель новой религии Магомет, то великий полководец Юлий Цезарь, то философ Сократ, то легендарный Прометей, богоборец и друг человечества. Но все эти образы великих героев, которые Гете противопоставлял жалкой немецкой действительности, вытеснил глубоко народный образ Фауста, сопутствовавший поэту в течение долгого шестидесятилетия.

Что заставило Гете предпочесть Фауста героям прочих своих драматических замыслов? Традиционный ответ: его тогдашнее увлечение немецкой стариной, народной песней, отечественной готикой - словом, всем тем, что он научился любить в юношескую свою пору; да и сам образ Фауста - ученого, искателя истины и правого пути был, бесспорно, ближе и родственнее Гете, чем те другие "титаны", ибо в большей мере позволял поэту говорить от собственного лица устами своего беспокойного героя.

Все это так, разумеется. Но в конечном счете выбор героя был подсказан самим идейным содержанием драматического замысла: Гете в равной мере не удовлетворяло ни пребывание в сфере абстрактной символики ("Прометей"), ни ограничение своей поэтической и вместе философской мысли узкими и обязывающими рамками определенной исторической эпохи ("Сократ", "Цезарь"). Он искал и видел мировую историю не только в прошлом человечества. Ее смысл ему открывался и им выводился из всего прошлого и настоящего; а вместе со смыслом усматривалась и намечалась поэтом также и историческая цель, единственно достойная человечества. "Фауст" не столько драма о прошлой, сколько о грядущей человеческой истории, как она представлялась Гете.

Сама эпоха, в которой жил и действовал исторический Фауст, отошла в прошлое. Гете мог ее обозреть как некое целое, мог проникнуться духом ее культуры - страстными религиозно-политическими проповедями Томаса Мюнцера, эпически мощным языком Лютеровой Библии, задорными и грузными стихами умного простолюдина Ганса Сакса, скорбной исповедью рыцаря Геца. Но то, против чего восставали народные массы в ту отдаленную эпоху, еще далеко не исчезло с лица немецкой земли: сохранилась былая, феодально раздробленная Германия; сохранилась (вплоть до 1806 года) Священная Римская империя германской нации, по старым законам которой вершился несправедливый суд во всех немецких землях; наконец, как и тогда, существовало глухое недовольство народа - правда, на этот раз не разразившееся живительной революционной грозой.

Гетевский "Фауст" - глубоко национальная драма. Национален уже самый душевный конфликт ее героя, строптивого Фауста, восставшего против прозябания в гнусной немецкой действительности во имя свободы действия и мысли. Таковы были стремления не только людей мятежного XVI века; те же мечты владели сознанием и всего поколения "Бури и

натиска", вместе с которым Гете выступил на литературном поприще.

Но именно потому, что народные массы в современной Гете Германии были бессильны порвать феодальные путы, "снять" личную трагедию немецкого человека заодно с общей трагедией немецкого народа, поэт должен был тем зорче присматриваться к делам и думам зарубежных, более активных, более передовых народов. В этом смысле и по этой причине в "Фаусте" речь идет не об одной только Германии, а в конечном счете и обо всем человечестве, призванном преобразить мир совместным свободным и разумным трудом. Белинский был в равной мере прав, и когда утверждал, что "Фауст" "есть полное отражение всей жизни современного ему немецкого общества" {В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, Гослитиздат, М. 1948, т. 3, стр. 797.}, и когда говорил, что в этой трагедии "заключены все нравственные вопросы, какие только могут возникнуть в груди внутреннего человека нашего времени" {В. Г. Белинский, Собр. соч., 1919, т. VII, стр. 304.} (курсив мой. - Д. В.)

Гете начал работать над "Фаустом" с дерзновением гения. Сама тема "Фауста" - драма об истории человечества, о цели человеческой истории - была ему, во всем ее объеме, еще неясна; и все же он брался за нее в расчете на то, что на полпути история нагонит его замысел. Гете полагался здесь на прямое сотрудничество с "гением века". Как жители песчаной, кремнистой страны умно и ревностно направляют в свои водоемы каждый просочившийся ручеек, всю скупую подпочвенную влагу, так Гете на протяжении долгого жизненного пути с неослабным упорством собирал в своего "Фауста" каждый пророческий намек истории, весь подпочвенный исторический смысл эпохи.

Буржуазное литературоведение (в лице Куно Фишера, Вильгельма Шерера и их учеников) из факта долголетней работы Гете над его драмой сделало порочный вывод, будто гетевский "Фауст" лишен внутреннего единства. Они настойчиво проводили мысль, что в "Фаусте" мы якобы имеем дело не с единой философско-поэтической концепцией, а с пестрой связкой разрозненных фрагментов. Собственное бессилие проникнуться духом гетевской диалектики они самоуверенно выдавали за противоречия и несообразности, присущие самой драме, будто бы объясняющиеся разновременностью работы автора над "Фаустом". Буржуазные немецкие ученые предлагали читателю "наслаждаться каждым фрагментом в отдельности", не добираясь до их общего смысла. Тем самым немецкое литературоведение приравнивало глубокий познавательный и вместе художественный подвиг Гете, каким являлся его "Фауст", к сугубо фрагментарной (афористической) игре мысли, сознательно уклоняющейся от познания мира, которую мы наблюдаем у немецких романтиков и декадентов.

Самого Гете, напротив, всегда интересовало идейное единство "Фауста". В беседе с профессором Люденом (1806) он прямо говорит, что интерес "Фауста" заключается в его идее, "которая объединяет частности поэмы в некое целое, диктует эти частности и сообщает им подлинный смысл.

Правда, Гете порою утрачивал надежду подчинить единой идее богатство мыслей и чаяний, которые он хотел вложить в своего "Фауста". Так было в восьмидесятых годах, накануне бегства Гете в Италию. Так было и позднее, на исходе века, несмотря на то что Гете тогда уже разработал общую схему обеих частей трагедии. Надо, однако, помнить, что Гете к этому времени не был еще автором двухчастного "Вильгельма Мейстера", еще не стоял, как говорил Пушкин, "с веком наравне" в вопросах социально-экономических, а потому не мог вложить более четкое социально-экономическое содержание в понятие "свободного края", к построению которого должен был приступить его герой.

Но Гете никогда не переставал доискиваться "конечного вывода всей мудрости земной", с тем чтобы подчинить ему тот обширный идейный и вместе художественный мир, который заключал в себе его "Фауст". По мере того как уточнялось идейное содержание трагедии, поэт вновь и вновь возвращался к уже написанным сценам, изменял их чередование, вставлял в них философские сентенции, необходимые для лучшего понимания замысла. В таком "охвате творческой мыслью" огромного идейного и житейского опыта и заключается та "высшая смелость" Гете в "Фаусте" о которой говорил великий Пушкин.

Будучи драмой о конечной цели исторического, социального бытия человечества, "Фауст" уже в силу этого - не историческая драма в обычном смысле слова. Это не помешало Гете воскресить в своем "Фаусте", как некогда в "Геце фон Берлихингене", Колорит позднего немецкого средневековья.

Начнем с самого стиха трагедии. Перед нами - усовершенствованный стих Ганса Сакса, нюрнбергского поэта-сапожника XVI столетия; Гете сообщил ему замечательную гибкость интонации, как нельзя лучше передающей и соленую народную шутку, и высшие взлеты ума, и тончайшие движения чувства. Стих "Фауста" так прост и так народен, что, право же, не стоит большого труда выучить наизусть чуть ли не всю первую часть трагедии. Фаустовскими строчками говорят и самые "нелитературные" немцы, как стихами из "Горя от

ума" наши соотечественники. Множество стихов "Фауста" стало поговорками, общенациональными крылатыми словами. Томас Манн говорит в своем этюде о гетевском "Фаусте", что сам слышал, как в театре кто-то из зрителей простодушно воскликнул по адресу автора трагедии: "Ну и облегчил же он себе задачу! Пишет одними цитатами". В текст трагедии щедро вкраплены проникновенные подражания старонемецкой народной песне. Необычайно выразительны и сами ремарки к "Фаусту", воссоздающие пластический образ старинного немецкого города.

И все же Гете в своей драме не столько воспроизводит историческую обстановку мятежной Германии XVI века, сколько пробуждает для новой жизни заглушенные творческие силы народа, действовавшие в ту славную пору немецкой истории. Легенда о Фаусте - плод напряженной работы народной мысли. Такой остается она и под пером Гете: не ломая остова легенды, поэт продолжает насыщать ее новейшими народными помыслами и чаяниями своего времени.

3

Вступая в необычный мир "Фауста", читатель должен прежде всего привыкнуть к присущему этой драме обилию библейских персонажей. Как во времена религиозно-политической ереси позднего средневековья, здесь богословская фразеология и символика - лишь внешний покров отнюдь не религиозных мыслей. Господь и архангелы, Мефистофель и прочая нечисть - не более как носители извечно борющихся природных и социальных сил. В уста господя, каким он представлен в "Прологе на небе", Гете вкладывает собственные воззрения на человека - свою веру в оптимистическое разрешение человеческой истории.

Завязка "Фауста" дана в "Прологе". Когда Мефистофель, прерывая славословия архангелов, утверждает, что на земле дарит лишь

...беспросветный мрак,
И человеку бедному так худо,
Что даже я щажу его покуда, -
господь выдвигает в противовес жалким, погрязшим в ничтожестве людям, о которых говорит Мефистофель, ревностного правдоискателя Фауста. Мефистофель удивлен; в мучительных дсканиях доктора Фауста, в его раздвоенности, в том, что Фауст

...требуется у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли, -
он видит тем более верный залог его гибели. Убежденный в верности своей игры, он заявляет господу, что берется отбить у него этого "сумасброда". Господь принимает вызов Мефистофеля. Он уверен не только в том, что Фауст

Чутьем, по собственной охоте
...вырвется из тупика, -
но и в том, что Мефистофель своими происками лишь поможет упорному правдоискателю достигнуть высшей истины.

Тема раздвоенности Фауста (здесь впервые затронутая Мефистофелем) проходит через всю драму. Но это "раздвоенность" совсем особого рода, не имеющая ничего общего со слабостью воли или отсутствием целеустремленности. Фауст хочет постигнуть "вселенной внутреннюю связь" и вместе с тем предаться неутомимой практической деятельности, жить в полный разворот своих нравственных и физических сил. В этой одновременной тяге Фауста и к "созерцанию" и к "деятельности", и к теории и к практике по сути нет, конечно, никакого трагического противоречия. Но то, что кажется, нам теперь само собою разумеющейся истиной, воспринималось совсем по-другому в далекие времена, когда жил доктор Фауст, и позднее, в эпоху Гете, когда разрыв между теорией и практикой продолжал составлять традицию немецкой идеалистической философии. Против этой отвратительной черты феодального и, позднее, буржуазного общества и выступает здесь герой трагедии Гете.

Фауст ненавидит свой ученый затвор, где

...взамен
Живых и богом данных сил
Себя средь этих мертвых стен
Скелетами ты окружил.

именно за то, что, оставаясь в этом затхлом мире, ему никогда не удастся проникнуть в сокровенный смысл природы и истории человечества. Разочарованный в мертвых догмах и

схоластических формулах средневековой премудрости, Фауст обращается к магии. Он открывает трактат чернокнижника Нострадамуса на странице, где выведен "знак макрокосма" и видит сложную работу механизма мироздания. Но зрелище беспрерывно обновляющихся мировых сил его не утешает: Фауст чужд пассивной созерцательности. Ему ближе знак действенного "земного духа", ибо он и сам мечтает о великих подвигах;

Готов за всех отдать я душу
И твердо знаю, что не струшу
В крушения час свой роковой.

На троекратный призыв Фауста является "дух земли", но тут же снова отступает от заклинателя - именно потому, что тот покуда еще не отважился действовать, а продолжает рыться в жалком "скарбе отцов", питаясь плодами младенчески незрелой науки.

В этот миг величайших надежд и разочарований входит Вагнер, адъютант Фауста, филистер ученого мира, "несносный, ограниченный школяр". Их диалог (один из лучших в драме). еще более четко обрисовывает мятущийся характер героя.

Но вот Фауст снова один, снова продолжает бороться со своими сомнениями. Они приводят его к мысли о самоубийстве. Однако эта мысль продиктована отнюдь не усталостью или отчаянием: Фауст хочет расстаться с жизнью лишь для того, чтобы слиться с вселенной и тем вернее, как он ошибочно полагает, проникнуть в ее "тайну".

Чашу с отравой от его губ отводит внезапно раздавшийся пасхальный благовест. Знаменательно, однако, что Фауста "возвращает земле" не ожившее религиозное чувство, а только память о детстве, когда он в дня церковных торжеств так живо чувствовал единение с народом. После того как "созерцательное начало", тяга к оторванному от жизни познанию, чуть было не довело Фауста до самоубийства, до безумной эгоистической решимости: купить истину ценою жизни (а стало быть - овладеть ею без пользы для "ближних", для человечества), в нем, Фаусте, вновь одерживает верх его "тяга к действию", его готовность служить народу, быть заодно с народом.

В живом общении с народом мы видим Фауста в следующей сцене - "У ворот". Но и здесь Фаустом владеет трагическое сознание своего бессилия: простые люди любят Фауста, чествуют его как врача-исцелителя; он же, Фауст, напротив, самого низкого мнения о своем лекарском искусстве, он даже полагает, что "...своим мудреным зельем... самой чумы похлеще бушевал". С сердечном болью Фауст сознает, что и столь дорогая ему народная любовь по сути им не заслужена, более того держится на обмане.

Так замыкается круг: обе "души", заключенные в груди Фауста ("созерцательная" и "действенная"), остаются в равной мере неудовлетворенными. В этот-то миг трагического недовольства к нему и является Мефистофель в образе пуделя.

Свою личину посланец ада в следующей сцене - в "Рабочей комнате Фауста", где неутомимый доктор трудится над переводом евангельского стиха: - "В начале было Слово". Передавая его как "В начале было дело", Фауст подчеркивает не только действенный, материальный характер мира, но и собственную решимость действовать. Более того, в этот миг он как бы предчувствует свой особый, действенный путь познания. Проходя "чреду все более высоких и чистых видов деятельности", освобождаясь от низких и корыстных стремлений, Фауст, по мысли автора, должен подняться на такую высоту деяния, которая в то же время будет и высшей точкой познавательного созерцания: в повседневной суровой борьбе его умственному взору откроется высшая цель всего человеческого развития.

Но пока Фауст лишь смутно предвидит этот предназначенный ему путь действенного познания: он по-прежнему еще полагается на "магию" или на "откровение", почерпнутое в "священном писании". Такая путанность фаустовского сознания поддерживает в Мефистофеле твердый расчет на то, что он завладеет душой Фауста.

Но обольщение "сумасбродного доктора" дается черту не так-то легко. Пока Мефистофель увлекает Фауста земными усадями, тот остается непреклонным: "Что можешь ты пообещать, бедняга?" - саркастически спрашивает он искусителя и тут же разоблачает всю мизерность его соблазнов:

Ты пищу дашь, не сытную ничуть,
Дашь золото, которое, как ртуть,
Меж пальцев растекается; зазнобу,
Которая, упав тебе на грудь,
Уж норовит к другому ушмыгнуть.

Увлеченный смелой мыслью развернуть с помощью Мефистофеля живую, всеобъемлющую деятельность, Фауст выставляет собственные условия договора: Мефистофель должен ему служить вплоть до первого мига, когда он, Фауст, успокоится, довольствуясь достигнутым:

Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: "Мгновение, повремени:" -
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западня.
Тогда вступает в силу наша сделка,
Тогда ты волен, - я закабален.
Тогда пусть станет часовая стрелка,
По мне раздастся похоронный звон.

Мефистофель принимает условия Фауста. Своим холодным критическим умом он пришел к ряду мелких, "коротеньких" истин, которые считает неизблемыми. Так, он уверен, что все мироздание ("вселенная во весь объем"), на охват которого - делом и мыслью - так смело посягает Фауст, ему, как и любому человеку, никогда не станет доступно. "Конечность", краткосрочность всякой человеческой жизни Мефистофелю представляется непреодолимой преградой для такого рода познавательной и практической деятельности. Ведь Фауст "всего лишь человек", а потому будет иметь дело только с несовершенными, преходящими явлениями мира. Постоянная неудовлетворенность в конце концов утомит его, и тогда он все же "возвеличит отдельный миг" - недолговечную ценность "конечного" бытия, а стало быть, изменит своему стремлению к бесконечному совершенствованию.

Такой расчет (ошибочный, как мы увидим, ибо Фауст сумеет "расширить" свою жизнь до жизни всего человечества) теснейшим образом связан с характером интеллекта Мефистофеля. Он - "дух, всегда привыкший отрицать" и уже поэтому может быть только хулителем земного несбвершенства. Его нигилистическая критика лишь внешне совпадает с благородным недовольством Фауста - обратной стороной безграничной Фаустовой веры в лучшее будущее на этой земле.

Когда Мефистофель аттестует себя как

Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла, -
он, по собственному убеждению, только кощунствует. Под "добром" он здесь саркастически понимает свой беспощадный абсолютизм и нигилизм:

Я дух, всегда привыкший отрицать,
И с основаньем: ничего не надо.
Нет в мире вещи, стоящей пощады.
Творенье не годится никуда.

Неспособный на постижение "вселенной во весь объем", Мефистофель не допускает и мысли, что на него, Мефистофеля, возложена некая положительная задача, что он и вправду "часть силы", вопреки его воле "творящей добро". Такая слепота не даст" ему и впредь заподозрить, что, разрушая преходящие иллюзии Фауста, он на деле помогает ему в его неутомимых поисках истины.

Странствие Фауста в сопровождении Мефистофеля начинается с веселой чертовщины в сценах "Погреб Ауэрбаха в Лейпциге" и "Кухня ведьмы", где колдовской напиток возвращает Фаусту его былую молодость. Осью дальнейшего драматического действия первой части Фауста становится так называемая "трагедия Маргариты". Несчастливая история Маргариты опирается всего лишь на одно весьма краткое упоминание в народной книге о докторе Фаусте: "Он воспытал страстью также к одной красивой, но бедной девушке, служанке жившего по соседству торговца".

Маргарита - первое искушение на пути Фауста, первый соблазн возвеличить отдельный "прекрасный миг". Покориться чарам Маргариты означало бы так или иначе подписать мировую с окружающей действительностью. Маргарита, Гретхен, при всей ее обаятельности и девической невинности - плоть от плоти несовершенного мира" в котором она живет. Бесспорно, в ней много хорошего, доброго, чистого. Но это пассивно-хорошее, пассивно-доброе само по себе не сделает ее жизнь ни хорошей, ни доброй. По своей воле она дурного не выберет, но жизнь может принудить ее и к дурному. Вся глубина трагедии Гретхен, ее горе и ужас в том, что мир ее осудил, бросил в тюрьму и приговорил к казни за зло, которое не только не предотвратил ее возлюбленный, но на которое он-то, и имел жестокость толкнуть ее.

Неотразимое обаяние Гретхен, столь поразившее Фауста, как раз в том, что она не терзается сомнениями. Ее пассивная "гармоничность" основана на непонимании лживости общества и ложности, униженности своего в нем положения. Это непонимание не дает ей

усомниться и в "гармонии мира", о которой витийствуют попы, в правоте ее бога, в правоте... пересудов у городского колодца. Она так трогательна в своей заботе о согласии Фауста с ее миром и с ее богом:

Ах, уступи хоть на крупицу!
Святых даров ты, стало быть, не чтишь?

Фауст

Я чту их.

Маргарита

Но одним рассудком лишь,
И тайн святых не жаждешь приобщиться,
Ты в церковь не ходил который год?
Ты в бога веришь ли?

Фауст не принимает мира Маргариты, но и не отказывается от наслаждения этим миром. В этом его вина - вина перед беспомощной девушкой. Но Фауст и сам переживает трагедию, ибо приносит в жертву своим беспокойным поискам то, что ему всего дороже: свою любовь к Маргарите. Цельность Гретхен, ее душевная гармония, ее чистота, неиспорченность девушки из народа все это чарует Фауста не меньше, чем ее миловидное лицо, ее "опрятная комната". В Маргарите воплощена патриархально-идиллическая гармония человеческой личности, гармония, которую, по убеждению Фауста (а отчасти и самого Гете), быть может, вовсе не надо искать, к которой стоит лишь "возвратиться". Это другой исход - не вперед, а вспять, - соблазн, которому, как известно, не раз поддавался и автор "Германа и Доротеи".

Фауст первоначально не хочет нарушить душевный покой Маргариты, он удаляется в "Лес и пещеру", чтобы снова "созерцать и познавать". Но влечение к Маргарите в нем пересиливает голос разума и совести; он становится ее соблазнителем.

В чувстве Фауста к Маргарите теперь мало возвышенного. Низменное влечение в нем явно вытесняет порыв чистой любви. Многое в характере отношений Фауста к предмету его страсти оскорбляет наше нравственное чувство. Фауст только играет любовью и тем вернее обрекает смерти возлюбленную. Его не корбит, когда Мефистофель поет под окном Гретхен непристойную серенаду: так-де "полагается". Вся глубину падения Фауста мы видим в сцене, где он бессердечно убивает брата Маргариты и потом бежит от правосудия.

И все же Фауст покидает Маргариту без ясно осознанного намерения не возвращаться к ней: всякое рассудочное взвешивание было бы здесь нестерпимо и безвозвратно уронило бы героя. Да он и возвращается к Маргарите, испуганный пророческим видением в страшную Вальпургиеву ночь.

Взгляни на край бугра,
Мефисто, видишь, там у края
Тень одинокая такая?
Она по воздуху скользит,
Земли ногой не задевая.
У девушки несчастный вид
И, как у Гретхен, облик кроткий,
А на ногах ее - колодки.
.
И красная черта на шейке,
Как будто бы по полотну
Отбили ниткой по линейке
Кайму, в секиры ширину.

Но за время его отсутствия совершается все то, что свершилось бы, если б он пожертвовал девушкой сознательно. Гретхен умерщвляет ребенка, прижитого от Фауста, и в душевном смятении возводит на себя напраслину - признает себя виновной в убийстве матери и брата.

Тюрьма. Фауст - свидетель последней ночи Гретхен перед казнью. Теперь он готов все пожертвовать ей, быть может и тем наивысшим - своими поисками, своим великим дерзанием.

Но она безумна, она не дает увести себя из темницы" уже не может принять его помощи. Гете избавляет и Маргариту от выбора: остаться, принять кару или жить с сознанием совершенного греха.

Многое в этой последней сцене первой части трагедии - от сцены безумия Офелии в "Гамлете", от предсмертного томления Дездемоны в "Отелло". Но чем-то она их все же превосходит. Бить может, своей предельной, последней простотой, суровой обыденностью взображенного ужаса. Но прежде всего тем, что здесь - впервые в западноевропейской литературе - поставлены друг перед другом эта полная беззащитность девушки из народа и это беспощадное полновластие карающего ее феодального государства.

Для Фауста предсмертная агония Маргариты имеет очистительное значение. Слышать безумный, страдальческий бред любимой женщины и не иметь силы помочь ей - этот ужас каленым железом выжигает все, что было в чувстве Фауста низкого, недостойного. Теперь он любит Гретхен чистой, сострадательной любовью. Но - слишком поздно: она остается глуха к его мольбам покинуть темницу. Безумными устами она торопит его спасти их бедное дитя

Скорей! Скорей!
Спаси свою бедную дочь!
Прочь,
Вдоль по обочине рощ,
Через ручей, и оттуда,
Влево с гнилого мостка,
К месту, где из пруда
Высунулась доска.
Дрожащего ребенка
Когда всплывет голова,
Хватай скорей за ручонку,
Она жива, жива!

Теперь Фауст сознает всю - безмерность своей вины перед Гретхен; равновеликой вековой вине феодального общества перед женщиной, перед человеком. Его грудь стесняется "скорбью мира". Невозможность спасти Маргариту и этим хотя бы отчасти загладить содеянное - для Фауста тягчайшая кара:

Зачем я дожил до такой печали.

Одно бесспорно: сделать из Фауста беззаботного "ценителя красоток" и тем отвлечь его от поисков высоких идеалов Мефистофелю не удалось. Это средство отвлечь Фауста от его великих исканий оказалось несостоятельным. Мефистофель должен взяться за новые козни. Голос свыше: "Спасена!" - не только нравственное оправдание Маргариты, но и предвестник оптимистического разрешения трагедии.

4

Вторая часть "Фауста". Пять больших актов, связанных между собой не столько внешним, сюжетным единством, сколько внутренним единством драматической идеи и волевого устремления героя. Нигде в мировой литературе не сыщется другого произведения, равного ему по богатству и разнообразию художественных средств. В соответствии с частыми переменами исторических декораций здесь то и дело меняется и стихотворный язык. Немецкий "ломаный стих", основной размер трагедии, чередуется то с белым пятистопным ямбом, то с античными триметрами, то с суровыми терцинами в стиле Данте или даже с чопорным александрийским стихом, которым Гете не писал с тех пор, как студентом оставил Лейпциг, и над всем этим "серебряная латынь" средневековья, *latinitas argentata*. Вся мировая история, вся история научной, философской и поэтической мысли - Троя и Миссолунги, Еврипид и Байрон, Фалес и Александр Гумбольдт, здесь вихрем проносятся по высоко взметнувшейся спирали фаустовского пути (он же, по мысли Гете, путь человечества).

Трудно понять эстетическую невосприимчивость читающей Европы XIX и XX веков ко "второму Фаусту". Можно ли проще, поэтичнее и (решаемся и на это слово) грациознее говорить о столь сложных и важных вещах - об истоках и целях культуры и исторического бытия человечества, личности? Это было и осталось новаторством, к которому еще не привыкли за сто с лишним лет, но должны же привыкнуть!

А какая прелесть песнь Линкея, этот лучший образец старческой лирики Гете!

Все видеть рожденный,
Я зорко, в упор
Смотрю с бастиона
На вольный простор.
И вижу без края
Созвездий красу,
И лес различаю,
И ланей в лесу.

Когда приходишь до этого места, не знаем, как другим, а пишущему эти строки каждый раз вспоминается "Степь" Чехова. Помните там чудачка Васю с мутными на вид, но сверхобычно зоркими глазами? "Не мудрено увидеть убегающего зайца или летящую дрохву ... А Вася видел играющих лисиц, зайцев, умывающихся лапками, дрохв, расправляющих крылья, стрепетов, выбивающих свои "точки". Благодаря такой остроте зрения, кроме мира, который видели все, у Васи был еще другой мир, свой собственный, никому не доступный и, вероятно, очень хороший, потому что, когда он глядел и восхищался, трудно было не завидовать ему". Помнил ли Чехов, когда он писал своего Васю, о гетевском Линкее? На этот вопрос уже никто не ответит. Достоверно одно, что Чехов любил трагедию великого поэта и даже мечтал о точнейшем прозаическом переводе "Фауста", чтобы, не зная немецкого языка, проникнуть во все детали поэтической мысли Гете.

И вот этот-то упоенный зрелищем мира караульный Линкей, сказавший о себе:

Вся жизнь мне по нраву
И я с ней в ладу, -
должен возвестить ужасную гибель Филемона и Бавкиды и их "отсыревшей от лет" лачуги, сожженной Мефистофелем, в предательском усердии служающим своему господину, Фауст устроителю.

Вот отпыхало пламя,
Запустенье, пепел, чад! -
И уходит вдаль с веками
То, что радовало взгляд.

Как это надрывно и как невыносимо прекрасно!
Первый акт начинается с исцеления Фауста. Благосклонные эльфы стирают из памяти героя воспоминания о постигшем, его ударе:

Эльфов маленьких участие
Всем в беде уделено,
По заслугам ли несчастье,
Или без вины оно.

То, с чем не может справиться наша совесть, могут одолеть жизненные силы, вселяющие бодрость в человека, стремящегося к высокой цели. Фауст снова может продолжать свои мучительные поиски. Мефистофель, ранее познакомивший Фауста с "малым светом", теперь вводит его в "большой", где думает его прельстить блестящей служебной карьерой. Мы при дворе на высшей ступени иерархической лестницы Священной Римской империи.

Сцена "Императорский дворец" заметно перекликается с "Погребом Ауэрбаха в Лейпциге". Как там, при вступлении в "малый свет", в общении с простыми людьми, с частными лицами, так здесь, при вступлении в "большой свет", на поприще бытия исторического, Мефистофель начинает с фокусов, с оболъщения умов непонятными чудесами. Но императорский двор требует фокусов не столь невинного свойства, как те, пущенные в ход в компании пирующих студентов. Любой пустяк, любая пошлость приобретают здесь политическое значение, принимают государственные масштабы.

На первом же заседании имперского совета Мефистофель предлагает обедневшему государю выпустить бумажные деньги под обеспечение подземных кладов, которые согласно старинному закону "принадлежат кесарю". С облегченным сердцем, в предвидении счастливого исхода, император назначает роскошный придворный маскарад и там, наряженный Плутосом, сам того не замечая, ставит свою подпись небольшую императорскую печать под первым государственным кредитным билетом.

Губительность этого финансового проекта в том, что он - и это отлично знает

Мефистофель - попадает на почву государства эпохи загнивающего феодализма, способного только грабить и вымогать. Подземные клады, символизирующие все дремлющие производительные силы страны, остаются нетронутыми. Кредитный билет, который при таком бездействии государства не может не пасть в цене, по сути лишь продолжает былое обирание народа вооруженными сборщиками податей и налогов. Император менее всего способен понять выгоды и опасности новой финансовой системы. Он и сам простодушно недоумевают:

И вместо золота подобный сор
В уплату примут армия и двор?

С "наследственной щедростью" одаривает он приближенных бумажными деньгами и требует от Фауста новых увеселений. Тот обещает ему вызвать из царства мертвых легендарных Елену и Париса. Для этого он спускается в царство таинственных Матерей, хранящих прообразы всего сущего, чтобы извлечь оттуда бесплотные тени спартанской царицы и троянского царевича.

Для императора и его приближенных, собравшихся в слабо освещенном зале, все это не более чем сеанс салонной магии. Не то для Фауста. Он рвется всеми помыслами к прекраснейшей из женщин, ибо видит в ней совершенное порождение природы и человеческой культуры:

Узнав ее, нельзя уж отступить!

Фауст хочет отнять Елену у призрачного Париса. Но - громовой удар; дерзновенный падает без чувств, духи исчезают в тумане.

Второй акт переносит нас в знакомый кабинет Фауста, где теперь обитает преуспевший Вагнер. Мефистофель доставляет сюда бесчувственного Фауста в момент, когда Вагнер по таинственным рецептам мастерит Гомункула, который вскоре укажет Фаусту путь к Фарсальским полям. Туда полетят они - Фауст, Мефистофель, Гомункул - разыскивать легендарную Елену.

Образ Гомункула - один из наиболее трудно поддающихся толкованию. Он - не на мгновение мелькнувшая маска из "Сна в Вальпургиеву ночь" и не аллегорический персонаж из "Классической Вальпургиевой ночи". У Гомункула - своя жизнь, почти трагическая, во всяком случае кончающаяся гибелью. В жизни и поисках Гомункула, прямо противоположных жизни и поискам Фауста, и следует искать разгадку этого образа. Если Фауст томится по безусловному, по бытию, не связанному законами пространства и времени, то Гомункул, искусственно созданный в лаборатории алхимика, скороспелый всезнайка, для которого нет ни оков, ни преград, - томится по обусловленности, по жизни, по плоти, по реальному существованию в реальном мире.

Гомункул знает то, что еще не ясно Фаусту в данной фазе его развития. Он понимает, что чисто умственное, чисто духовное начало, как раз в силу своей "абсолютности" - то есть необусловленности, несвязанности законами жизни и конкретно-исторической обстановкой - способно лишь на ущербное, неполноценное бытие. Гибель Гомункула, разбившегося о трон Галатеи (здесь понимаемой как некая всепорождающая космическая сила), звучит предупреждением Фаусту в час, когда тот мнит себя у цели своих стремлений: приблизиться к абсолютному, к вечной красоте, воплощенной в образе Елены.

В "Классической Вальпургиевой ночи" перед нами разворачивается картина грандиозной работы всевозможных сил - водных и подпочвенных, флоры и фауны, отважных порывов человеческого разума - над созданием совершеннейшей из женщин, Елены. На сцене толпятся низшие стихийные силы греческой мифологии, чудовищные порождения природы, ее первые мощные, но грубые создания - колоссальные муравьи, грифы, сфинксы, сирены; все это истребляет друг друга, живет в непрестанной вражде. Над темным кишением стихийных сил возвышаются уже менее грубые порождения; полубоги, нимфы, кентавры. Но и они еще бесконечно далеки от искомого совершенства. И вот предутренние сумерки мира прорезает человеческая мысль - философия Фалеев и Анаксагора: занимается день благородной эллинской культуры. Все возвещает появление прекраснейшей.

Хирон уносит Фауста к вратам Орка, где тот выпрашивает у Персефоны Елену. Мефистофель в этих поисках ему не помогает. Чтобы смешаться с толпой участников ночного бдения, он облачается в наряд зловещей Форкиады. В этом наряде он будет участвовать в третьем акте драмы, при дворе ожившей спартанской царицы.

Елена перед дворцом Менелая. Ей кажется, будто она только сейчас вернулась в Спарту из павшей Трои. Она в тревоге:

Кто я? Его жена, царица прежняя,
Иль к жертвоприношенью предназначена
За мужнины страданья и за бедствия,
Из-за меня изведенные греками?

Так думает царица. Но вместе с тем в ее сознании мигают, как пламя светильника, воспоминания о былой жизни:

Да полно, было ль это все действительно,
Иль только ночью мне во сне привиделось?

А между тем действие продолжает развиваться в условно реалистическом плане. Форкиада говорит Елене о грозящей ей казни от руки Менелая и предлагает скрыться в замок Фауста, воздвигнутый на греческой земле крестonosцами. Получив на то согласие царицы, она переносит ее и хор троянских пленниц в этот заколдованный замок, не подвластный законам времени. Там совершается бракосочетание Фауста с Еленой.

Истинный смысл всей темы Елены раскрывается в финале действия, в эпизоде с Эвфорионом. Менее всего следует - по примеру большинства комментаторов - рассматривать этот эпизод как не зависящую от хода трагедии интермедию в честь Байрона, умершего в 1824 году в греческом городке Миссолунги, хотя физический и духовный облик Эвфориона и принял черты поэта, столь дорогого старому Гете, а хор, плачущий по юному герою, и превращается, по собственному признанию автора "Фауста", "в рупор идей современности".

Но ни это сближение с Байроном, ни даже определение Эвфориона, данное самим Гете ("олицетворение поэзии, не связанной ни временем, ни местом, ни личностью"), не объясняют эпизода с Эвфорионом как определенного этапа на пути развития героя. А ведь Эвфорион - прежде всего разрушитель недолговечного счастья Фауста.

В общении с Еленой Фауст перестает тосковать по бесконечному. Он мог бы уже теперь "возвеличить миг", если бы его счастье не было только лживым сном, допущенным Персефой. Этот-то сон и прерывается Эвфорионом. Сын Фауста, он унаследовал от отца его беспокойный дух, его титанические порывы. Этим он отличается от окружающих его теней. Как существо, чуждое вневременному покою, он подвержен и закону смерти. Гибель Эвфориона, дерзнувшего вопреки родительской воле покинуть отцовский замок, восстанавливает в этом заколдованном царстве законы времени и тлена, и они вмиг рассеивают лживые чары. "Елена обнимает Фауста, телесное исчезает".

Прими меня, о Персефона, с мальчиком! -

слышится ее уже далекий голос. Действие кончается великолепной трагической вакханалией хора. Форкиада вырастает на авансцене, сходит с котурнов и снова превращается в Мефистофеля.

Такова сюжетная схема действия. Философский же смысл, который вкладывает поэт в этот драматический эпизод, сводится к следующему: можно укрыться от времени, наслаждаясь однажды созданной красотой, но такое "пребывание в эстетическом" может быть только пассивным, созерцательным. Художник, сам творящий искусство, - всегда борец среди борцов своего времени (каким был Байрон, о котором думал Гете, разрабатывая эту сцену). Не мог пребывать в замкнутой эстетической сфере и неспособный к бездейственному созерцанию активный дух Фауста.

Так подготавливается новый этап становления героя, получающий свое развитие уже в четвертом и пятом актах.

Четвертый акт. Фауст участвует в междоусобной войне двух соперничающих императоров дает благодаря тому, что Мефистофель в решительную минуту вводит в бой "модели из оружейной палаты".

Доспехов целый арсенал
Я в залах с постаментов снял.
Скорлупки высохших улиток
Напяливши на чертенят,
Средневековья пережиток
Теперь я вывел на парад.

Какой острый символ изживших себя исторических сил!

Победа "законного императора" приводит только к восстановлению былой государственной

рутины (как после победы над Наполеоном). Недовольный Фауст покидает государственную службу, получив в награду клочок земли, которым думает управлять по своему разумению.

Мефистофель усердно помогает ему. Он выполняет грандиозную "отрицательную" работу по разрушению здания феодализма и устанавливает бесчеловечную "власть чистогана". Для этого он сооружает мощный торговый флот, опутывает сетью торговых отношений весь мир; ему ничего не стоит с самовластной беспощадностью положить конец патриархальному быту поселяв, более того - физически истребить беспомощных стариков, названных Гете именами мифологической четы - Филемоном и Бавкидой. Словом, он выступает здесь, в пятом акте, как воплощение нарождающегося капитализма, его беспощадного хищничества и предприимчивости.

Фауст не сочувствует жестоким делам, чинимым скорыми на расправу слугами Мефистофеля, хотя отчасти и сам разделяет его образ мыслей. Недаром он воскликнул в беседе с Мефистофелем еще в четвертом акте;

Не в славе суть. Мои желанья -
Власть, собственность, преобладанье.
Мое стремленье - дело, труд.

Однако и эта жизнь во имя обогащения не по сердцу гуманисту Фаусту, вовлеченному в стремительный круговорот капиталистического развития. Фауст считает, что он подошел к конечной цели своих упорных поисков только в тот миг, когда, потеряв зрение, тем яснее увидел будущее свободного человечества. Теперь он - отчасти "буржуа" сен-симоновского "промышленного строя", где "буржуа", как известно, является чем-то вроде доверенного лица всего общества. Его власть над людьми (опять-таки в духе великого утописта) резко отличается от традиционной власти. В его руках она преобразилась во власть над вещами, в управление процессами производства. Фауст прошел долгий путь, пролежавший и через труп Гретхен, и по пеплу мирной хижины Филемона и Бавкиды, обугленным руинам анахронического патриархального быта, и через ряд сладчайших иллюзий, обернувшихся горчайшими разочарованиями. Все это осталось позади. Он видит перед собою не разрушение, а грядущее созидание, к которому он думает теперь приступить;

Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил:
Лишь тот, кем бой за жизнь изведан,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пуускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: "Мгновенье!
О, как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они".
И, это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.

Этот гениальный предсмертный монолог обретенного пути возвращает нас к сцене в ночь перед пасхой из первой части трагедии, когда Фауст, умиленный народным ликованием, отказывается испить чашу с ядом. И здесь, перед смертью, Фауста охватывает то же чувство единения с народом, но уже не смутное, а до конца ясное. Теперь он знает, что единственная искомая форма этого единения - коллективный труд над общим, каждому одинаково нужным делом.

Пусть задача эта безмерно велика, требует безмерных усилий, - каждый миг этого осмысленного, освященного великой целью труда достоян возвеличения. Фауст произносит роковое слово. Мефистофель вправе считать его отказом от дальнейшего стремления к бесконечной цели. Он вправе прервать жизнь Фауста согласно их старинному договору. Фауст падает. Но по сути он не побежден, ибо его упоение мигом не куплено ценою отказа от бесконечного совершенствования человечества и человека. Настоящее и будущее здесь сливаются в некоем высшем единстве; "две души" Фауста, созерцательная и действенная, воссоединяются. "В начале было дело". Оно-то и привело Фауста к познанию высшей цели человеческого развития. Тяга к отрицанию, которую Фауст разделял с Мефистофелем,

обретает наконец необходимый противовес в положительном общественном идеале. Вот почему Фауст все же удостоивается того апофеоза, которым Гете заканчивает свою трагедию, обрядив его в пышное величие традиционной церковной символики.

В монументальный финал трагедии вплетается и тема Маргариты. Но теперь образ "одной из грешниц, прежде называвшейся Гретхен", уже сливается с образом девы Марии, здесь понимаемый как "вечно женственное", как символ рождения и смерти, как начало, обновляющее человечество и передающее его лучшие стремления и мечты из рода в род, от поколения к поколению. Матери - строительницы грядущего людского счастья.

Но почему Фауст в миг своего высшего прозрения выведен слепцом? Вряд ли кто-либо сочтет это обстоятельство пустой случайностью.

А потому, что Гете был величайшим реалистом и никому не хотел внушить, что грандиозное видение Фауста где-то на земле уже стало реальностью. То, что открывается незрячим глазам Фауста, - это не настоящее, это - будущее. Фауст видит неизбежный путь развития окружающей его действительности. Но это видение будущего не лежит на поверхности, воспринимается не чувственно - глазами, а ясновидящим разумом. Перед Фаустом копошатся лемуры, символизирующие те "тормозящие силы истории... которые не позволяют миру добраться до цели так быстро, как он думает и надеется", как выразился однажды Гете. Эти "демоны торможения" не осушают болота, а роют могилу Фаусту. Но на этом поле будут работать свободные люди, это болото будет осушено, это море исторического "зла" будет отеснено плотиной. В этом - нерушимая правда прозрения Фауста, нерушимая правда его пути, правда всемирно-исторической драмы Гете о грядущей социальной судьбе человечества.

Мефистофель, делавший ставку на "конечность" Фаустовой жизни, оказывается посрамленным, ибо Фаусту, по мысли Гете, удается жить жизнью всего человечества, включая грядущие поколения.

И приходится удивляться, как Гете сумел провести в такой чистоте и отчетливости идею "Фауста" сквозь свою полную компромиссов жизнь и столь же компромиссное творчество.

Большинство буржуазных литературоведов не любили вникать в конечный смысл "фаустовской идеи", нередко даже полемизировали с ней. Так, известный немецкий филолог Фридрих Гундольф считал, что развязка "Фауста" уж очень не по-гетевски элементарна, а Герман Тюрк попытался вложить в финал трагедии смысл, прямо противоположный замыслу великого поэта. Согласно его концепции Фауст в пятом акте попросту впадает в детство, утрачивает - вместе с упадком физических и духовных сил - "свою способность сверхчеловека" возвышаться над исторической действительностью и устремляться к "бесконечному"; Фауст удовлетворяется "земными целями", "политикой" (это слово Тюрк всегда произносит с презрением) и фактически оказывается побежденным. Но то ли господь бог, то ли Гете снисходительно принимает во внимание бывшее усердие героя и его старческий маразм, а потому Фауст все же удостоивается апофеоза. К сожалению, и эта теория произвела чрезвычайную сенсацию в некоторых ученых кругах, чему, впрочем, не приходится удивляться: ведь она препарировала Гете для реакционной пропаганды.

Другое дело, что идея "Фауста", при всей ее недвусмысленности, местами выражается поэтом в форме нарочито затемненной (особенно в сценах "Сон в Вальпургиеву ночь", "Классическая Вальпургиева ночь" и в финальной сцене апофеоза). Выводы, к которым, подчинившись логике своего творения, приходит Гете - "непокорный, насмешливый... гений", - были столь сокрушительно радикальны, что не могли не смутить в нем "филистера". А потому он решался высказывать их лишь вполголоса, намеками. С саркастической улыбкой Мефистофеля подносил он "добрым немцам" свои внешне благонадежные, по сути же взрывчатые идеи. Такая абстрактная иносказательность мысли не могла не нанести заметного художественного ущерба его трагедии, одновременно снижая и общественное ее значение. Тем самым даже и здесь, в произведении, где Гете торжествует свою наивысшую победу над "немецким убожеством", время от времени проявляется действие этого убожества.

"Фауст" - поэтическая и вместе с тем философская энциклопедия духовной культуры примечательного отрезка времени - кануна первой буржуазной французской революции и, далее, эпохи революции и наполеоновских войн. Это позволило некоторым комментаторам сопоставлять драматическую поэму Гете с философской системой Гегеля, представляющей собою своеобразный итог примерно того же исторического периода.

Но суть этих двух обобщений опыта единой исторической эпохи глубоко различна. Гегель видел смысл своего времени прежде всего в подведении "окончательного итога" мировой истории. Тем самым в его системе голос трусливого немецкого бюргерства слился с голосом мировой реакции, требующим обуздания народных масс в их неудержимом порыве к полному раскрепощению. Эта тенденция, самый дух такой философии итога глубоко чужд "фаустовской

идее", гетевской философии обретенного пути.

Великий оптимизм, заложенный в "Фаусте", присущая Гете безграничная вера в лучшее будущее человечества - вот что делает великого немецкого поэта особенно дорогим всем тем, кто строит сегодня новую, демократическую Германию. И этот же глубокий, жизнеутверждающий гуманизм делает "величайшего немца" столь близким нам, советским людям.

Ник. Вильмонт

ФАУСТ

Трагедия

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне заставши кругозор.
Ловлю дыханье ваше грудью всюю
И возле вас душою молодею.
Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.
Вдали всплывает сказкою старинной
Любви и дружбы первая пора.
Пронизанный до самой сердцевины
Тоской тех лет и жаждою добра,
Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный
Опять припоминаю благодарно.
Им, не услышать следующих песен,
Кому я предыдущие читал.
Распался круг, который был так тесен,
Шум первых одобрений отзвучал.
Непосвященных голос легковесен,
И, признаюсь, мне страшно их похвал,
А прежние ценители и судьи
Рассеялись, кто где, среди безлюдья.

И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне.
Эоловою арфой прорыдало
Начало строф, родившихся вчерне.
Я в трепете, томленье миновало,
Я слезы лью, и тает лед во мне.
Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Директор театра, поэт и комический актер.

Директор

Вы оба, среди несчастий всех
Меня дарившие удачей,
Здесь, с труппою моей бродячей,
Какой мне прочтите успех?

Мой зритель в большинстве неименитый,
И нам опора в жизни - большинство.
Столбы помоста врыты, доски сбиты,
И каждый ждет от нас невесть чего.
Все поднимают брови в ожиданье,
Заранее готовя дань признанья.
Я всех их знаю и заечь берусь,
Но в первый раз объят такой тревогой.
Хотя у них не избалован вкус,
Они прочли неисчислимо много.
Чтоб сразу показать липом товар,
Новинку надо ввести в репертуар,
Что может быть приятней многолюдства,
Когда к театру ломится народ
И, в ревности дойдя до безрассудства,
Как двери райские, штурмует вход?
Нет четырех, а ловкие проныры,
Локтями в давке пробивая путь,
Как к пекарю за хлебом, прут к кассиру
И рады шею за билет свернуть.
Волшебник и виновник их наплыва,
Поэт, сверши сегодня это диво.

Поэт

Не говори мне о толпе, повинной
В том, что пред ней нас оторопь берет.
Она засасывает, как трясина,
Закручивает, как водоворот.
Нет, уведи меня на те вершины,
Куда сосредоточенность зовет,
Туда, где божьей созданы рукою
Обитель грез, святилище покоя.
Что те места твоей душе навеют,
Пускай не рвется сразу на уста.
Мечту тщеславье светское рассеет,
Пятой своей растопчет суета.
Пусть мысль твоя, когда она созреет,
Предстанет нам законченно чиста.
Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.

Комический актер

Довольно про потомство мне долбили.
Когда б потомству я дарил усилья,
Кто потешал бы нашу молодежь?
В согласье с веком быть не так уж мелко.
Восторги поколенья - не безделка,
На улице их не найдешь.
Тот, кто к капризам публики не глух,
Относится к ней без предубежденья.
Чем шире наших слушателей круг,
Тем заразительнее впечатленье.
С талантом человеку не пропасть.
Соедините только в каждой роли
Воображенье, чувство, ум и страсть
И юмора достаточную долю.

Директор

А главное, гоните действий ход

Живей, за эпизодом эпизод.
Подробностей побольше в их развитии,
Чтоб завладеть вниманием зевак,
И вы их победили, вы царите,
Вы самый нужный человек, вы маг.
Чтобы хороший сбор доставить пьесе,
Ей требуется сборный и состав.
И всякий, выбрав что-нибудь из смеси,
Уйдет домой, спасибо вам сказав.
Засуйте всякой всячины в кормежку:
Немножко жизни, выдумки немножко,
Вам удастся этот вид рагу.
Толпа и так все превратит в крошку,
Я дать совет вам лучший не могу.

Поэт

Кропанье пошлостей - большое зло.
Вы этого совсем не сознаете.
Бездарных проходимцев ремесло,
Как вижу я, у вас в большом почете.

Директор

Меня упрек ваш, к счастью, миновал.
В расчете на столярный матерьял
Вы подходящий инструмент берете.
Задумались ли вы в своей работе,
Кому предназначается ваш труд?
Одни со скуки на спектакль идут,
Другие, пообедав до отвала,
А третьи, ощущая сильный зуд
Блеснуть суждением, взятым из журнала.
Как шляются толпой по маскарадам
Из любопытства, на один момент,
К нам ходят дамы щегольнуть нарядом
Без платы за ангажемент.
Собою упоенный небожитель,
Спуститесь вниз на землю с облаков!
Поближе присмотритесь, кто ваш зритель?
Он равнодушен, груб и бестолков.
Он из театра бросится к рулетке
Или в объятья ветреной кокетки.
А если так, я не шутя дивлюсь,
К чему без пользы мучить бедных муз?
Валите в кучу, поверху скользя,
Что подвернется, для разнообразья.
Избытком мысли поразить нельзя,
Так удивите недостатком связи.
Но что случилось с вами? Вы в экстазе?

Поэт

Ступай, другого поищи раба!
Но над поэтом власть твоя слаба,
Чтоб он свои священные права
Из-за тебя смешал преступно с грязью.
Чем сердце трогают его слова?
Благодаря ли только громкой фразе?
Созвучный миру строй души его -
Вот этой тайной власти существо.
Когда природа крутит жизни пряжу

И вертится времен веретено,
Ей все равно, идет ли нитка глаже,
Или с задоринками волокно.
Кто придает, выравнивая прялку,
Тогда разгон и плавность колесу?
Кто вносит в шум разрозненности жалкой
Аккорда благозвучье и красу?
Кто с бурей сближает чувств смятенье?
Кто грусть роднит с закатом у реки?
Чьей волею цветущее растение
На любящих роняет лепестки?
Кто подвиги венчает? Кто защита
Богам под сенью олимпийских роц?
Что это? - Человеческая мощь,
В поэте выступившая открыто.

Комический актер

Воспользуйтесь же ей по назначенью.
Займитесь вашим делом вдохновенья
Так, как ведут любовные дела.
Как их ведут? Случайно, спрехвала.
Дружат, вздыхают, дуются, - минута,
Другая, и готовы пути.
Размолвка, объяснение, - повод дан,
Вам отступленья нет, у вас роман.
Представьте нам такую точно драму.
Из гущи жизни загребайте прямо.
Не каждый сознает, чем он живет.
Кто это схватит, тот нас увлечет.
В заквашенную небылицу
Подбросьте истины крупичу,
И будет дешев и сердит
Напиток ваш и всех прельстит.
Тогда-то цвет отборной молодежи
Придет смотреть на ваше откровенье
И будет черпать с благодарной, дрожью,
Что подойдет ему под настроенье.
Не сможет глаз ничей остаться сух.
Все будут слушать, затаивши дух.
И плакать и смеяться, не замедлив,
Сумеет тот, кто юн и желторот.
Кто вырос, тот угрюм и привередлив,
Кому еще расти, тот все поймет.

Поэт

Тогда верни мне возраст дивный,
Когда все было впереди
И вереницей непрерывной
Теснились песни из груди.
В тумане мир лежал впервые,
И, чуду радуясь во всем,
Срывал цветы я полевые,
Повсюду, росшие кругом.
Когда я нищ был и богат,
Жив правдой и неправде рад.
Верни мне дух неукротенный,
Дни муки и блаженства дни,
Жар ненависти, пыл влюбленный,
Дни юности моей верни!

Комический актер

Ах, друг мой, молодость тебе нужна,
Когда ты падаешь в бою, слабея;
Когда спасти не может седина
И вешаются девочки на шею;
Когда на состязанье беговом
Ты должен первым добежать до цели;
Когда на шумном пире молодом
Ты ночь проводишь в танцах и веселье
Но руку в струны лиры запустить,
С которой неразлучен ты все время,
И не утратить изложения нить
В тобой самим свободно взятой теме,
Как раз тут в пользу зрелые лета,
А изречение, будто старец хилый
К концу впадает в детство, - клевета,
Но все мы дети до самой могилы.

Директор

Довольно болтовни салонной.
Не нам любезности плести.
Чем зря отвешивать поклоны,
Могли б мы к путному прийти.
Кто ждет в бездействии наитий,
Прождет их до скончанья дней.
В поэзии греметь хотите?
По-свойски расправляйтесь с ней.
Я вам сказал, что нам во благо.
Вы и варите вашу брагу.
Без разговоров за котел!
День проморгали, день прошел, -
Упущенного не вернете.
Ловите на ходу, в работе
Удобный случай за хохол.
Смотрите, на немецкой сцене
Резвятся кто во что горазд.
Скажите, - бутафор вам даст
Все нужные приспособленья.
Потребуется верхний свет, -
Вы жгите сколько вам угодно.
В стихии огненной и водной
И прочих недостатка нет.
В дощатом этом - балагане
Вы можете, как в мирозданье,
Пройдя все ярусы подряд,
Сойти с небес сквозь землю в ад.

ПРОЛОГ НА НЕБЕ

Господь, небесное воинство, потом Мефистофель.
Три архангела.

Рафаил

В пространстве, хором сфер объят,
Свой голос солнце подает,
Свершая с громовым раскатом
Предписанный круговорот.
Дивятся ангелы господни,

Окинув взором весь предел.
Как в первый день, так и сегодня
Безмерна слава божьих дел.

Гавриил

И с непонятной быстротою
Внизу вращается земля,
На ночь со страшной темнотою
И светлый полдень круг деля.
И море пеной волн одето,
И в камни пеной бьет прибой,
И камни с морем мчит планета
По кругу вечно за собой.

Михаил

И бури, все попутно руша
И все обломками покрыв,
То в вольном море, то на суше
Безумствуют наперерыв.
И молния сбегает змеем,
И дали застигает дым.
Но мы, господь, благоговеем
Пред дивным промыслом твоим.

Все втроем

Мы, ангелы твои господни,
Окинув взором весь предел,
Поем, как в первый день, сегодня
Хвалу величью божьих дел.

Мефистофель

К тебе попал я, боже, на прием,
Чтоб доложить о нашем положении.
Вот почему я в обществе твоём
И всех, кто состоит тут в услуженье.
Но если б я произносил тирады,
Как ангелов высокопарный лик,
Тебя бы насмешил я до упаду,
Когда бы ты смеяться не отвык.
Я о планетах говорить стесняюсь,
Я расскажу, как люди бьются, маясь.
Божок вселенной, человек таков,
Каким и был он испокон веков.
Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет.
Прошу простить, но по своим приемам
Он кажется каким-то насекомым.
Полу летя, полу скача,
Он свиристит, как саранча.
О, если б он сидел в траве покоса
И во все дразги не совал бы носа!

Господь

И это все? Опять ты за свое?
Лишь жалобы да вечное нытье?

Так на земле все для тебя не так?

Мефистофель

Да, господи, там беспросветный мрак,
И человеку бедному так худо,
Что даже я щажу его покуда.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб.

Мефистофель

Да, странно этот эскулап
Справляет вам повинность божью,
И чем он сыт, никто не знает тоже.
Он рвется в бой, и любит брать преграды,
И видит цель, манящую вдали,
И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,
И век ему с душой не будет сладу,
К чему бы поиски ни привели.

Господь

Он служит мне, и это налицо,
И выбьется из мрака мне в угоду.
Когда садовник сажит деревцо,
Плод наперед известен садоводу.

Мефистофель

Поспоримте! Увидите воочью,
У вас я сумасброда отобью,
Немного взявши в выучку свою.
Но дайте мне на это полномочья.

Господь

Они тебе даны. Ты можешь гнать,
Пока он жив, его по всем уступам.
Кто ищет, вынужден блуждать.

Мефистофель

Пристрастья не питая к трупам,
Спасибо должен вам сказать.
Мне ближе жизненные соки,
Румянец, розовые щеки.
Котам нужна живая мышь,
Их мертвою не соблазнишь.

Господь

Он отдан под твою опеку!
И, если можешь, низведи
В такую бездну человека,
Чтоб он тащился позади.
Ты проиграл наверняка.
Чутьем, по собственной охоте
Он вырвется из тупика.

Мефистофель

Поспорим. Вот моя рука,
И скоро будем мы в расчете.
Вы торжество мое поймете,
Когда он, ползая в помете,
Жрать будет прах от башмака,
Как пресмыкается века
Змея, моя родная тетя.

Господь

Тогда ко мне являйся без стеснения.
Таким, как ты, я никогда не враг.
Из духов отрицанья ты всех мене
Бывал мне в тягость, плут и весельчак.
Из лени человек впадает в спячку.
Ступай, расшевели его застой,
Вертись пред ним, томи, и беспокой,
И раздражай его своей горячкой.

(Обращаясь к ангелам.)

Вы ж, дети мудрости и милосердья,
Любуйтесь красотой предвечной тверди.
Что борется, страдает и живет,
Пусть в вас любовь рождает и участие,
Но эти превращенья в свой черед
Немеркнущими мыслями украсьте.

Небо закрывается. Архангелы расступаются.

Мефистофель
(один)

Как речь его спокойна и мягка!
Мы ладим, отношений с ним не портя,
Прекрасная черта у старика
Так человечно думать и о черте.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

НОЧЬ

Тесная готическая комната со сводчатым потолком.
Фауст без сна сидит в кресле за книгою на откидной подставке.

Фауст

Я богословьем овладел,
Над философией корпел,

Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.
В магистрах, в докторам хожу
И за нос десять лет вожу
Учеников, как буквоед,
Толкуя так и сяк предмет.
Но знанья это дать не может,
И этот вывод мне сердце гложет,
Хотя я разумнее многих хватов,
Врачей, попов и адвокатов,
Их точно всех попутал леший,
Я ж и пред чертом не опешу, -
Но и себе я знаю цену,
Не тешусь мыслию надменной,
Что светоч я людского рода
И вверен мир моему уходу.
Не нажил чести и добра
И не вкусил, чем жизнь остра.
И пес с такой бы жизни взвыл!
И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился
И тайну бытия открыл.
Чтоб я, невежда, без конца
Не корчил больше мудреца,
А понял бы, уединясь,
Вселенной внутреннюю связь,
Постиг все сущее в основе
И не вдавался в суесловье.

О месяц, ты меня привык
Встречать среди бумаг и книг
В ночных моих трудах, без сна
В углу у этого окна.
О, если б тут твой бледный лик
В последний раз меня застиг!
О, если бы ты с этих пор
Встречал меня на высях гор,
Где феи с эльфами в тумане
Играют в прятки на поляне!
Там, там росой у входа в грот
Я б смысл учености налет!

Но как? Назло своей хандре
Еще я в этой конуре,
Где доступ свету загражден
Цветною росписью окон!
Где запыленные тома
Навалены до потолка;
Где даже утром полутьма
От черной гари ночника;
Где собран в кучу скарб отцов.
Таков твой мир! Твой отчий кров!

И для тебя еще вопрос,
Откуда в сердце этот страх?
Как ты все это перенес
И в заточенье не зачах,
Когда насильственно, взамен
Живых и богом данных сил,
Себя средь этих мертвых стен

Скелетами ты окружил?

Встань и беги, не глядя вспять!
А провожатым в этот путь
Творенье Нострадама взять
Таинственное не забудь.
И ты прочтешь в движенье звезд,
Что может в жизни проистечь.
С твоей души спадет нарост,
И ты услышишь духов речь.
Их знаки, сколько ни грызи,
Не пища для сухих умов.
Но, духи, если вы вблизи,
Ответьте мне на этот зов!

(Открывает книгу и видит знак макрокосма.)

Какой восторг и сил какой напор
Во мне рождает это начертанье!
Я оживаю, глядя на узор,
И вновь бужу уснувшие желанья,
Кто из богов придумал этот знак?
Какое исцеленье от унынья
Дает мне сочетанье этих линий!
Расходится томивший душу мрак.
Все проясняется, как на картине.
И вот мне кажется, что сам я - бог
И вижу, символ мира разбирая,
Вселенную от края и до края.
Теперь понятно, что мудрец изрек:
"Мир духов рядом, дверь не на запоре,
Но сам ты слеп, и все в тебе мертво.
Умойся в утренней заре, как в море,
Очнись, вот этот мир, войди в него".

(Рассматривает внимательно изображение.)

В каком порядке и согласье
Идет в пространствах ход работ!
Все, что находится в запасе
В углах вселенной непечатых,
То тысяча существ крылатых
Поочередно подает
Друг другу в золотых ушатах
И вверх снует и вниз снует.
Вот зрелище! Но горе мне:
Лишь зрелище! С напрасным стоном,
Природа, вновь я в стороне
Перед твоим священным лоном!
О, как мне руки протянуть
К тебе, как пасть к тебе на грудь,
Прильнуть к твоим ключам бездонным!

(С досадою перевертывает страницу и видит
знак земного духа.)

Я больше этот знак люблю.
Мне дух Земли родней, желанней.
Благодаря его влиянью
Я рвусь вперед, как во хмелю.
Тогда, ручаюсь головой,
Готов за всех отдать я душу

И твердо знаю, что не струшу
В свой час крушенья роковой.

Клубятся облака,
Луна зашла,
Потух огонь светильни.
Дым! Красный луч скользит
Вкруг моего чела.
А с потолка,
Бросая в дрожь,
Пахнуло жутью замогильной!
Желанный дух, ты где-то здесь снуешь.
Явись! Явись!
Как сердце ноет!
С какую силою дыханье захватило!
Все помыслы мои с тобой слились!
Явись! Явись!
Явись! Пусть это жизни стоит!

(Берет книгу и произносит таинственное заклинание.
Вспыхивает красноватое пламя, в котором является дух.)

Дух

Кто звал меня?

Фауст
(отворачиваясь)

Ужасный вид!

Дух

Заклял меня своим призывом
Настойчивым, нетерпеливым,
И вот...

Фауст

Твой лик меня страшит.

Дух

Молил меня к нему явиться,
Услышать жажду, увидеть,
Я сжалился, пришел и, глядь,
В испуге вижу духовидца!
Ну что ж, дерзай, сверхчеловек!
Где чувств твоих и мыслей пламя?
Что ж, возомнив сравняться с нами,
Ты к помощи моей прибегаешь?
И это Фауст, который говорил
Со мной, как равный, с превышеньем сил?
Я здесь, и где твои замашки?
По телу бегают мурашки.
Ты в страхе вьешься, как червяк?

Фауст

Нет, дух, я от тебя лица не прячу.
Кто б ни был ты, я, Фауст, не меньше значу.

Дух

Я в буре деяний, в житейских волнах,
В огне, в воде,
Всегда, везде,
В извечной смене
Смертей и рождений.
Я - океан,
И зыбь развиться,
И ткацкий стан
С волшебной нитью,
Где, времени кинув сквозную канву,
Живую одежду я тку божеству.

Фауст

О деятельный гений бытия,
Прообраз мой!

Дух

О нет, с тобою схож
Лишь дух, который сам ты познаешь, -
Не я!

(Исчезает.)

Фауст
(сокрушенно)

Не ты?
Так кто же?
Я, образ и подобье божье,
Я даже с ним,
С ним, низшим, несравним!

Раздается стук в дверь.

Вот принесла нелегкая! В разгар
Видений этих дивных - мой подручный!
Всю прелесть чар рассеет этот скучный,
Несносный, ограниченный школяр!

Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, с лампой
в руке. Фауст с неудовольствием поворачивается к нему.

Вагнер

Простите, не из греческих трагедий
Вы только что читали монолог?
Осмелился зайти к вам, чтоб в беседе
У вас взять декламации урок.
Чтоб проповедник шел с успехом в гору,
Пусть учится паренью у актера.

Фауст

Да, если проповедник сам актер,
Как наблюдается с недавних пор.

Вагнер

Мы век проводим за трудами дома
И только в праздник видим мир в очки.
Как управлять нам паствой незнакомой,
Когда мы от нее так далеки?

Фауст

Где нет нутра, там не поможешь потом.
Цена таким усильям медный грош.
Лишь проповеди искренним полетом
Наставник в вере может быть хорош,
А тот, кто мыслью беден и усидчив,
Кропает понапрасну пересказ
Заимствованных отовсюду фраз,
Все дело выдержками ограничив.
Он, может быть, создаст авторитет
Среди детей и дурней недалеких,
Но без души и помыслов высоких
Живых путей от сердца к сердцу нет.

Вагнер

Но много значит дикция и слог,
Я чувствую, еще я в этом плох.

Фауст

Учитесь честно достигать успеха
И привлекать благодаря уму.
А побрякушки, гулкие, как эхо,
Подделка и не нужны никому.
Когда всерьез владеет что-то вами,
Не станете вы гнаться за словами,
А рассужденья, полные прикрас,
Чем обороты ярче и цветистей,
Наводят скуку, как в осенний час
Вой ветра, обрывающего листья.

Вагнер

Ах, господа, но жизнь-то недолга,
А путь к познанию дальний. Страшно вчуже!
И так уж ваш покорнейший слуга
Пыхтит от рвения, а не стало б хуже!
Иной на то полжизни тратит,
Чтоб до источников дойти,
Глядишь, - его на полпути
Удар от прилежанья хватит.

Фауст

Пергаменты не утоляют жажды.
Ключ мудрости не на страницах книг.
Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,
В своей душе находит их родник.

Вагнер

Однако есть ли что милей на свете
Чем уноситься в дух былых столетий
И умозаключать из их работ,
Как далеко шагнули мы вперед?

Фауст

О да, конечно, до самой луны!
Не трогайте далекой старины.
Нам не сломить ее семи печатей.
А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий,
Который эти господа некстати
За истинную древность выдают.
Как представляем мы порядок древний?
Как рухлядью заваленный чулан,
А некоторые еще плачевней, -
Как кукольника старый балаган.
По мнению некоторых, наши предки
Не люди были, а марионетки.

Вагнер

Но мир! Но жизнь! Ведь человек дорос,
Чтоб знать ответ на все свои загадки.

Фауст

Что значит знать? Вот, друг мой, в чем вопрос.
На этот счет у нас не все в порядке.
Немногих, проникавших в суть вещей
И раскрывавших всем души скрижали,
Сжигали на кострах и распинали,
Как вам известно, с самых давних дней.
Но мы заговорились, спать пора.
Оставим спор, уже довольно поздно.

Вагнер

Я, кажется, не спал бы до утра
И все бы с вами толковал серьезно.
Но завтра пасха, и в свободный час
Расспросами обеспокою вас.
Я знаю много, погружен в занятия,
Но знать я все хотел бы без изъятия.
(Уходит.)

Фауст
(один)

Охота надрыватья чудаку!
Он кллада ищет жадными руками
И, как находке, рад, копаясь в хламе,
Любому дождевому червяку.
Он смел нарушить тишину угла,
Где замирал я, в лица духов глядя.
На этот раз действительно хвала
Беднейшему из всех земных исчадий.
Я, верно, помешался бы один,
Когда б он в дверь ко мне не постучался.
Тот призрак был велик, как исполин,
А я, как карлик, перед ним терялся.

Я, названный подобьем божества,
Возмнил себя и вправду богоравным.
Насколько в этом ослепление явном

Я переоценил свои права!
Я счел себя явлением неземным,
Пронизывающим, как бог, творенье.
Решил, что я светлей, чем серафим,
Сильней и полновластнее, чем гений.
В возмездие за это дерзновенье
Я уничтожен словом громовым.

Ты вправе, дух, меня бесславить.
Я мог тебя прийти заставить,
Но удержать тебя не мог.
Я испытал в тот миг высокий
Такую мощь, такую боль!
Ты сбросил вниз меня жестоко,
В людскую темную юдоль.
Как быть с внушеньями и снами,
С мечтами? Следовать ли им?
Что трудности, когда мы сами
Себе мешаем и вредим!

Мы побороть не в силах скуки серой,
Нам голод сердца большей частью чужд,
И мы считаем праздною химерой
Все, что превыше повседневных нужд.
Живейшие и лучшие мечты
В нас гибнут средь житейской суеты.
В лучах воображаемого блеска
Мы часто мыслью воспаряем вширь
И падаем от тяжести привеска,
От груза наших добровольных гирь.
Мы драпируем способами всеми
Свое безводье, трусость, слабость, лень.
Нам служит ширмой состраданья бремя,
И совесть, и любая дребедень.
Тогда все отговорки, все предлог,
Чтоб произвесть в душе переполох.
То это дом, то дети, то жена,
То страх отравы, то боязнь поджога,
Но только вздор, но ложная тревога,
Но выдумка, но мнимая вина.

Какой я бог! Я знаю облик свой.
Я червь слепой, я пасынок природы,
Который пыль глотает пред собой
И гибнет под стопю пешехода.

Не в прахе ли проходит жизнь моя
Средь этих книжных полок, как в неволе?
Не прах ли эти сундуки старья
И эта рвань, изъеденная молью?
Итак, я здесь все нужное найду?
Здесь, в сотне книг, прочту я утвержденье,
Что человек терпел всегда нужду
И счастье составляло исключенье?
Ты, голый череп посреди жилья!
На что ты намекаешь, зубы скаля?
Что твой владелец, некогда, как я,
Искавший радости, блуждал в печали?
Не смейтесь надо мной деленьем шкал,
Естествоиспытателя приборы!
Я, как ключи к замку, вас подбирал,
Но у природы крепкие затворы.

То, что она желает скрыть в тени
Таинственного своего покрыва,
Не выманить винтами шестерни,
Ни силами орудья никакого.
Не тронутые мною черепки,
Алхимии отцовской пережитки,
И вы, исписанные от руки
И копотью покрывшиеся свитки!
Я б лучше расточил вас, словно мот,
Чем изнывать от вашего соседства.
Наследовать достоин только тот,
Кто может к жизни приложить наследство.
Но жалок тот, кто копит мертвый хлам.
Что миг рождает, то на пользу нам.

Но отчего мой взор к себе так властно
Та склянка привлекает, как магнит?
В моей душе становится так ясно,
Как будто лунный свет в лесу разлит.

Бутыль с заветной жидкостью густою,
Тянуть с благоговеньем за тобою!
В тебе я что венец исканий наш.
Из сонных трав настоящая гуща,
Смертельной силою, тебе присущей,
Сегодня своего творца уважь!
Взгляну ли на тебя - и легче муки,
И дух ровней; тебя возьму ли в руки -
Волнение начинает убывать.
Все шире даль, и тянет ветром свежим,
И к новым дням и новым побережьям
Зовет зеркальная морская гладь.

Слетает огненная колесница,
И я готов, расправив шире грудь,
На ней в эфир стрелою устремиться,
К неведомым мирам направить путь.
О, эта высь, о, это просветленье!
Достоин ли ты, червь, так вознестись?
Спиною к солнцу стань без сожаленья,
С земным существованьем распростись.
Набравшись духу, выломайте руками
Врата, которых самый вид страшит!
На деле докажи, что пред богами
Решимость человека устоит!
Что он не дрогнет даже у преддверья
Глухой пещеры, у того жерла,
Где мнительная сила суеверья
Костры всей преисподней разожгла.
Распорядись собой, прими решение,
Хотя бы и ценой уничтоженья.

Пожалуй-ка, наследственная чара,
И ты на свет из старого футляра.
Я много лет тебя не вынимал.
Играя радугой хрустальных граней,
Бывало, радовала ты собранье,
И каждый залпом чару осушал.
На этих торжествах семейных гости
Стихами изъяснялись в каждом тосте.
Ты эти дни напомнил мне, бокал.
Сейчас сказать я речи не успею,

Напиток этот действует скорее,
И медленной струя его течет.
Он дело рук моих, моя затея,
И вот я пью его душою всюю
Во славу дня, за солнечный восход.
(Подносит бокал к губам.)

Колокольный звон и хоровое пенье.

Хор ангелов

Христос воскрес!
Преодоление
Смерти и тления
Славьте, селение,
Пашня и лес.

Фауст

Река гудящих звуков отвела
От губ моих бокал с отравой этой.
Наверное, уже колокола
Христову пасху возвестили свету
И в небе ангелы поют хорал,
Который встарь у гроба ночью дал
Начало братству нового завета.

Хор мироносиц

От посторонних
Тело укрыли.
Все в благовоньях
В гроб положили.
Под пеленами
Камня плита.
Нет в них пред нами
Больше Христа.

Хор ангелов

Христос воскрес!
Грехопадения,
Смерти и тления
След с поколения
Смыт и исчез.

Фауст

Ликующие звуки торжества,
Зачем вы раздаетесь в этом месте?
Гудите там, где набожность жива,
А здесь вы не найдете благочестья.
Ведь чудо - веры лучшее дитя.
Я не сумею унести в те сферы,
Откуда радостная весть пришла.
Хотя и ныне, много лет спустя,
Вы мне вернули жизнь, колокола,
Как в памятные годы детской веры,
Когда вы оставляли на челе
Свой поцелуй в ночной тиши субботней.
Ваш гул звучал таинственной во мгле,
Молитва с уст срывалась безотчетной.

Я убежал на луговой откос,
Такая грусть меня обуревала!
Я плакал, упиваясь счастьем слез,
И мир во мне рождался небывалый.
С тех пор в душе со светлым воскресеньем
Связалось все, что чисто и светло.
Оно мне веяньем своим весенним
С собой покончить ныне не дало.
Я возвращен земле. Благодаренье
За это вам, святые песнопенья!

Хор учеников

Смерти раздавлена,
Попрана злоба:
Новопреставленный
Вышел из гроба.
Пусть он в обители
За облаками,
Имя учителя -
С учениками.
Выстоим преданно
Все превращенья.
Нам заповедано
Это ученье.

Хор ангелов

Христос воскрес!
Пасха Христова
С нами, и снова
Жизнь до основы
Вся без завес.
Будьте готовы
Сбросить оковы
Силой святого
Слова его,
Тленья земного,
Сна гробового,
С сердца любого,
С мира всего.

У ВОРОТ

Толпы гуляющих направляются за город.

Несколько подмастерьев

Куда такой толпой?

Другие

В стрелковый тир лесной.

Первые

А мы ватагой к мельничной запруде.

Один из подмастерьев

На гать ступайте. Вот где красота.

Второй подмастерье

Далекий путь. Неважные места.

Из второй группы

А ты куда?

Третий подмастерье

Туда, куда и люди.

Четвертый

Таких, как возле замка в слободе,
Ни девушек, ни пива нет нигде.
И первый сорт задиры и скандалы.

Пятый

Так у тебя опять, у хвастуна,
По их побоям чешется спина?
Я этим сыт надолго до отвала.

Служанка

Нет, лучше я пойду домой.

Другая служанка

Наверно, он за тополями теми.

Первая

А мне в нем интерес какой?
Он за тобой таскается все время,
А я, как дура, радуйся на вас,
Когда вдвоем пускаетесь вы в пляс.

Вторая

Сегодня, кажется, он не один.
С ним, помнишь, тот кудрявчик господин.

Студент

Гляди, девчонка под руку с девчонкой!
А ну-ка за обеими вдогонку!
Да, брат, покрепче пиво и табак
Да девочки, - на это я мастак.

Девушка-горожанка

Могу сказать, студенты-кавалеры!
Я удивляюсь, как не стыдно им.
У барышень хорошие манеры,
Они же липнут к горничным простым.

Второй студент
(первому)

Да не беги ты! Видишь, сзади две,
И обе из порядочного дома.
Одна из них с соседями в родстве,
И потому мы шапочно знакомы.
Раскланяемся с ними, подойдем
И совершим прогулку, вчетвером.

Первый студент

Нет, брат, одно стеснение эта знать.
Я отдаю служанкам предпочтенье.
Та, что в субботу будет подметать,
Всех лучше приголубит в воскресенье.

Горожанин

Беда нам с новым бургомистром.
Он все решает с видом быстрым,
А пользой нашей пренебрег.
Дела все хуже раз от разу,
И настоятельней приказы,
И непосильнее налог.

Нищий
(поет)

Вы, судари мои и дамы,
Пошли господь вам много лет!
Подайте нищему у храма,
Я голоден и не одет!
В день праздничного ликованья
Рука дающего легка.
Не откажите в подаянье
И пожалейте старика!

Второй горожанин

По праздникам нет лучше развлечения;
Чем толки за стаканчиком вина,
Как в Турции далекой, где война,
Сражаются друг с другом ополченья.
Подходишь у трактирщика к окну
И смотришь - по реке идут баркасы,
И после, дома, отходя ко сну,
Благословляешь миролюбье часа.

Третий горожанин

Я тоже так смотрю, сосед.
Пусть у других неразбериха,
Передерись хотя весь свет,
Да только б дома было тихо.

Старуха
(девушкам-горожанкам)

Ах, ягодки-красавицы мои!
Глаз не отвести от вашего наряда.
Зачем чураетесь ворожей?
Я раздобыть сумею, что вам надо.

Первая девушка

Агата, что ты! Постыдись греха!
При встречных заговаривать с колдуньей!
Она мне будущего жениха
Недавно показала в новолунье.

Вторая девушка

И мне, в хрустальном шаре. Он солдат,
Средь удальцов, бросающихся в сечу.
С тех пор по сторонам бросаю взгляд,
Но, сколько ни ищу, нигде не встречу.

Солдаты

Рвы, частоколы,
Стены, ограды,
Женского пола
Гордые взгляды
Перед осадой
Не устоят.
Ради награды
Бьется солдат.

Перед началом
Всякой атаки,
Перед привалом
Трубят вояки.
Штурмы с паденьем
Женщин и стен,
Вот что мы ценим,
Прочее - тлен.

Ради награды
Бьется солдат.
Утром уходит
Дальше отряд.

Фауст и Вагнер.

Фауст

Растаял лед, шумят потоки,
Луга зеленеют под лаской тепла.
Зима, размякнув на припеке,
В суровые горы подальше ушла.
Оттуда она крупую мелкой
Забрасывает зеленыя,
Но солнце всю ее побелку
Смывает к середине дня.
Все хочет цвести, росток и ветка,
Но на цветы весна скупа,
И вместо них своей расцветкой
Пестрит воскресная толпа.
Взгляни отсюда вниз с утеса
На городишко у откоса.
Смотри, как валит вдаль народ
Из старых городских ворот.
Всем хочется вздохнуть свободней,
Все рвутся вон из толкотни.
В день воскресения господня
Воскресли также и они.

Они восстали из-под гнета
Конур, подвалов, верстаков,
Ремесленных оков без счета,
Нависших крыш и чердаков,
И высыпали на прогулку
Из хмурающейся тьмы церквей,
Из узенького закоулка,
И растеклись ручьев живей,
И бросились к речным причалам,
И рыщут лодки по реке,
И тяжело грести усталым
Гребцам в последнем челноке.
По горке ходят горожане,
Они одеты щегольски,
А в отдаленье на поляне
В деревне пляшут мужики.
Как человек, я с ними весь:
Я вправе быть им только здесь.

Вагнер

Прогулка с вами на свободе
Приносит честь и пользу мне.
Но от забав простонародья
Держусь я, доктор, в стороне.
К чему б крестьяне ни прибегли,
И тотчас драка, шум и гам.
Их скрипки, чехарда, и кегли,
И крик невыносимы нам.

Крестьяне
(под липою; пляски и пение)

Плясать отправился пастух,
Оделся, разрядился впух,
Цветов в камзол натыкал.
Под липой шла уж кутерьма,
Кружились пары без ума,
Скрипач вовсю пиликал.

Протискиваясь в этот круг,
Столкнулся с девушкой пастух
Румяною и свежей,
И та ему, скользя из рук:
"Пожалуйста, без этих штук!
Не надо быть невежей!"

Но, на нее взглянув в упор,
Стал девушку кружить танцор,
И зашумели юбки.
И все нежней за туром тур
Шептался с нею балагур,
Не вымолив уступки.

"Как только врать не надоест!
Довольно из-за вас невест
Пропало по ошибке!"
Но недотрогу в уголок
Он понемногу уволок
От скрипача и скрипки.

Старик

Мне, доктор, поручил народ
Вам благодарность принести.
Вы оказали нам почет,
Не погнушавшись к нам прийти.
Ученость ваша у крестьян
Прославлена и всем видна.
Вот полный доверху стакан,
И сколько капель в нем вина,
Пусть столько же счастливых дней
Вам бог прибавит к жизни всей.

Фауст

Желаю здоровья вам в ответ
В теченье столь же многих лет.

Народ обступает их.

Старик

Отрадно вспомнить в светлый день,
Как жертвовали вы собой
Для населенья деревень
В дни черной язвы моровой.
Иного только потому
Ужасный миновал конец,
Что нам тогда избыть чуму
Помог покойный ваш отец.
Вас не пугал ее очаг,
И - юноша еще тогда -
Входили вы к больным в барак
И выходили без вреда.
За близость с братиею низшей
Хранила вас десница свыше.

Все

Храни вас господи и впредь,
Чтоб не давали нам болеть.

Фауст

Вам следует благодарить
Того, кто всех учил любить.
(Проходит с Вагнером дальше.)

Вагнер

Вы можете всем этим быть горды.
Как вы любимы деревенским людом!
Большое счастье - пожинать плоды
Способностей, не сгинувших под спудом
Вы появились - шапки вверх летят,
Никто не пляшет, пораженный чудом,
Вас пропускают, выстроившись в ряд,
Еще немного, - позовут ребят
И станут перед вами на колени,
Как пред святыней, чтимой в селенье,

Фауст

Давай дойдем до этой крутизны
И там присядем. Часто я, бывало,
На той скале сидел средь тишины,
Весь от поста худой и отощальный.
Ломая руки, я мольбой горел,
Чтоб бог скорей избавил нас от мора.
И положил поветрию предел.
Так уповал и верил я в ту пору
И для меня насмешкою звучит
Тех тружеников искреннее слово,
От их речей охватывает стыд
И за себя и за дела отцовы.
Отец мой, нелюдим-оригинал,
Всю жизнь провел в раздумьях о природе.
Он честно голову над ней ломал,
Хотя и по своей чудной методе.
Алхимии тех дней забытый столп,
Он запирался с верными в чулане
И с ними там перегонял из колб
Соединенья всевозможной дряни.
Там звали "лилиею" серебро,
"Львом" - золото, а смесь их - связью в браке.
Полученное на огне добро,
"Царицу", мыли в холодильном баке.
В нем осаждался радужный налет.
Людей лечили этой амальгамой,
Не проверяя, вылечился ль тот,
Кто обращался к нашему бальзаму.
Едва ли кто при этом выживал.
Так мой отец своим мудреным зельем
Со мной средь этих гор и по ущельям
Самой чумы похлеще бушевал.
И каково мне слушать их хваленья,
Когда и я виной их умерщвления,
И сам отраву тысячам давал.

Вагнер

Корить себя решительно вам нечем.
Скорей была заслуга ваша в том,
Что вы воспользовались целиком
Уменьем, к вам от старших перешедшим.
Для сыновей отцовский опыт свят.
Они его всего превыше ставят.
Ваш сын ведь тоже переймет ваш взгляд
И после новое к нему прибавит.

Фауст

Блажен, кто вырваться на свет
Надеется из лжи окружной.
В том, что известно, пользы нет,
Одно неведомое нужно.
Но полно вечер омрачать
Своей тоскою беспричинной
Смотри: закат свою печать
Накладывает на равнину.
День прожит, солнце с вышины
Уходит прочь в другие страны.
Зачем мне крылья не даны
С ним вровень мчаться наустанно!
На горы в пурпуре лучей

Заглядывался б я в полете
И на серебряный ручей
В вечерней темной позолоте.
Опасный горный перевал
Не останавливал бы крыльев.
Я море бы пересекал,
Движение этих крыл усилив.
Когда б зари вечерней свет
Грозил погаснуть в океане,
Я б налегал дружнее вслед
И нагонял его сиянье.
В соседстве с небом надо мной,
С днем впереди и ночью сзади,
Я реял бы над водной гладью.
Жаль, нет лишь крыльев за спиной.
Но всем знаком порыв врожденный
Куда-то ввысь, туда, в зенит,
Когда из синевы бездонной
Песнь жаворонка зазвенит,
Или когда вверху над бором
Парит орел, или вдали
Осенним утренним простором
К отлету тянут журавли.

Вагнер

И на меня капризы находили,
Но не припомню я таких причуд.
Меня леса и нивы не влекут,
И зависти не будят птичьи крылья.
Моя отрада - мысленный полет
По книгам, со страницы на страницу.
Зимой за чтением быстро ночь пройдет,
Тепло по телу весело струится,
А если попадетс я редкий том,
От радости я на небе седьмом.

Фауст

Ты верен весь одной струне
И не задет другим недугом,
Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.
О, если бы не в царстве грез,
А в самом деле вихрь небесный
Меня куда-нибудь унес
В мир новой жизни неизвестной!
О, если б плащ волшебный взяв,
Я б улетал куда угодно! -
Мне б царских мантий и держав
Милей был этот плащ походный.

Вагнер

Не призывайте лучше никогда
Сущест в, живущих в воздухе и ветре.
Они распространители вреда,
Смертей повальных, моровых поветрий.

То демон севера заладит дуть
И нас проймет простудою жестокой,
То нам пойдет сушить чахоткой грудь
Томительное веянье востока,
То с юга из пустыни суховей
Нас солнечным ударом стукнет в темя,
То запад целой армией дождей
Повадится нас поливать все время.
Не доверяйте духам темноты,
Роящимся в ненастной серой дымке,
Какими б ангелами доброты
Ни притворялись эти невидимки.
Пойдемте, впрочем. На землю легла
Ночная сырость, нависает мгла,
Хорош по вечерам уют домашний!
На что, однако, вы вперили взор
И смотрите как вкопанный в упор?

Фауст

Заметил, черный пес бежит по пашне?

Вагнер

Давно заметил. Что же из того?

Фауст

Кто он? Ты в нем не видишь ничего?

Вагнер

Обыкновенный пудель, пес лохматый,
Своих хозяев ищет по следам.

Фауст

Кругами, сокращая их охваты,
Все ближе подбирается он к нам.
И, если я не ошибаюсь, пламя
За ним змеится по земле полян.

Вагнер

Не вижу. Просто пудель перед нами,
А этот след - оптический обман.

Фауст

Как он плетет вокруг нас свои извивы!
Магический их смысл не так-то прост.

Вагнер

Не замечаю. Просто пес трусливый,
Чужих завидев, поджимает хвост.

Фауст

Все меньше круг. Он подбегает. Стой!

Вагнер

Вы видите не призрак - пес простой.
Ворчит, хвостом виляет, лег на брюхо.
Все, как у псов, и не похож на духа.

Фауст

Не бойся! Смирно, пес! Заемной! Не тронь!

Вагнер

Забавный пудель. И притом - огонь.
Живой такой, понятливый и бойкий,
Поноску знает, может делать стойку.
Оброните вы что-нибудь, - найдет.
За брошенную палкой в пруд нырнет.

Фауст

Да, он не оборотень, дело ясно.
К тому же, видно, вышколен прекрасно.

Вагнер

Серьезному ученому забавно
Иметь собаку с выучкой исправной.
Пес этот, судя по его игре,
Наверно, у студентов был в муштре.

Входят в городские ворота.

РАБОЧАЯ КОМНАТА ФАУСТА

Входит Фауст с пуделем.

Фауст

Оставил я поля и горы,
Окутанные тьмой ночной.
Открылось внутреннему взору
То лучшее, что движет мной.
В душе, смилившей вожделенья,
Свершается переворот.
Она любовью к провиденью,
Любовью к ближнему живет.

Пудель, уймись и по комнате тесной не бегай!
Полно ворчать и обнюхивать дверь и порог.
Ну-ка - за печку и располагайся к ночлегу,
Право, приятель, на эту подушку бы лег.
Очень любезно нас было прыжками забавить.
В поле, на воле, уместна твоя беготня.
Здесь тебя просят излишнюю резвость оставить
Угомонись и пойми: ты в гостях у меня.

Когда в глубоком мраке ночи
Каморку лампа озарит,
Не только в комнате рабочей,
И в сердце как бы свет разлит.
Я слышу разума внушенья,
Я возрождаюсь и хочу

Припасть к источникам творенья,
К живительному их ключу.

Пудель, оставь! С вдохновеньем минуты,
Вдруг охватившим меня невзначай,
Несовместимы ворчанье и лай.
Более свойственно спеси надутой
Лаять на то, что превыше ее.
Разве и между собачьих ухваток
Водится этот людской недостаток?
Пудель! Оставь беготню и вытье.

Но вновь безволие, и упадок,
И вялость в мыслях, и разброд.
Как часто этот беспорядок
За просветленьем настаёт!
Паденья эти и подъемы
Как в совершенстве мне знакомы!
От них есть средство искони:
Лекарство от душевной лени -
Божественное откровенье,
Всесильное и в наши дни.
Всего сильнее им согреты
Страницы Нового завета.
Вот, кстати, рядом и они.
Я по-немецки все писанье
Хочу, не пожалев старанья,
Уединившись взаперти,
Как следует перевести.
(Открывает книгу, чтобы приступить
к работе.)

"В начале было Слово". С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слова,
Чтоб думать, что оно всему основа.
"В начале мысль была". Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?
"Была в начале сила". Вот в чем суть.
Но после небольшого колебанья
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
"В начале было дело", - стих гласит.

Если ты хочешь жить со мною,
То чтоб без воя.
Что за возня?
Понял ты, пудель? Смотри у меня!
Кроме того, не лай, не балуй,
Очень ты, брат, беспокойный малый.
Одному из нас двоих
Придется убраться из стен моих.
Ну, так возьми на себя этот шаг.
Нечего делать. Вот дверь. Всех благ!
Но что я вижу! Вот так гиль!
Что это, сказка или быль?
Мой пудель напыжился, как пузырь,
И все разбухает ввысь и вширь.
Он может до потолка достать.

Нет, это не собачья статья!
Я нечисть ввел себе под свод!
Раскрыла пасть, как бегемот,
Огнем глазища налиты, -
Тварь из бесовской мелкоты.
Совет, как пакость обуздать,
"Ключ Соломона" может дать.

Духи
(в сенях)

Один из нас в ловушке,
Но внутрь за ним нельзя.
Наш долг помочь друг дружке,
За дверью лебезя.
Вертитесь втихомолку,
Чтоб нас пронюхал бес
И к нам в дверную щелку
На радостях пролез.
Узнав, что есть подмога
И он в родном кругу,
Он ринется к порогу,
Мы все пред ним в долгу.

Фауст

Чтоб зачураться от собаки,
Есть заговор четверякий!

Саламандра, жгись,
Ундина, вейся,
Сильф, рассейся,
Кобольд, трудись!
Кто слышит впервые
Про эти стихии,
Их свойства и строй,
Какой заклинатель?
Кропатель пустой!

Раздуй свое пламя,
Саламандра!
Разлейся ручьями,
Ундина!
Сильф, облаком взмой!
Инкуб, домовый,
В хозяйственном хламе,
Что нужно, отрой!

Из первоматерий
Нет в нем ни одной.
Не стало ни больно, ни боязно зверю.
Разлегся у двери, смеясь надо мной.
Заклятья есть строже,
Поганая рожа,
Постой!
Ты выходец бездны,
Приятель любезный?
Вот что без утайки открой.
Вот символ святой,
И в дрожь тебя кинет,
Так страшен он вашей всей шайке клятой.
Гляди-ка, от ужаса шерсть он щетинит!

Глазами своими
Бесстыжими, враг,
Прочтешь ли ты имя,
Осилишь ли знак
Несотворенного,
Неизреченного,
С неба сошедшего, в лето Пилатово
Нашего ради спасенья распятого?

За печку оттеснен,
Он вверх растет, как слон,
Готовый, словно дым,
По потолку расплыться.
Ложись к ногам моим
На эту половицу!
Я сделать все могу
Еще с тобой, несчастный!
Я троицей сожгу
Тебя триипостасной!
На это сила есть,
Поверь, у чародея.

Мефистофель
(входит, когда дым рассеивается, из-за печи
в одежде странствующего студента)

Что вам угодно? Честь
Представиться имею.

Фауст

Вот, значит, чем был пудель начинен!
Скрывала школяра в себе собака?

Мефистофель

Отвешу вам почтительный поклон.
Ну, вы меня запарили, однако!

Фауст

Как ты зовешься?

Мефистофель

Мелочный вопрос
В устах того, кто безразличен к слову,
Но к делу лишь относится всерьез
И смотрит в корень, в суть вещей, в основу,

Фауст

Однако специальный атрибут
У вас обычно явствует из кличек:
Мушиный царь, обманщик, враг, обидчик,
Смотря как каждого из вас зовут:
Ты кто?

Мефистофель

Часть силы той, что без числа

Творит добро, всему желая зла.

Фауст

Нельзя ли это проще передать?

Мефистофель

Я дух, всегда привыкший отрицать.
И с основанием: ничего не надо.
Нет в мире вещи, стоящей пощады.
Творенье не годится никуда.
Итак, я то, что ваша мысль связала
С понятием разрушенья, зла, вреда.
Вот прирожденное мое начало,
Моя среда.

Фауст

Ты говоришь, ты - часть, а сам ты весь
Стоишь передо мною здесь?

Мефистофель

Я верен скромной правде. Только спесь
Людская ваша с самомнением смелым
Себя считает вместо части целым.
Я - части часть, которая была
Когда-то всем и свет произвела.
Свет этот - порождение тьмы ночной
И отнял место у нее самой.
Он с ней не сладит, как бы ни хотел.
Его удел - поверхность твердых тел.
Он к ним прикован, связан с их судьбой,
Лишь с помощью их может быть собой,
И есть надежда, что, когда тела
Разрушатся, сгорит и он дотла.

Фауст

Так вот он в чем, твой труд почтенный!
Не сладив в целом со вселенной,
Ты ей вредишь по мелочам?

Мефистофель

И безуспешно, как я ни упрям.
Мир бытия - досадно малый штрих
Среди небытия пространств пустых,
Однако до сих пор он непреклонно
Мои нападки сносит без урона.
Я донимал его землетрясеньем,
Пожарами лесов и наводненьем.
И хоть бы что! я цели не достиг.
И море в целостности материк.
А люди, звери и порода птичья,
Мори их не мори, им трин-трава.
Плодятся вечно эти существа,
И жизнь всегда имеется в наличии"
Иной, ей-ей, рехнулся бы с тоски!
В земле, в воде, на воздухе свободном
Зародыши роятся и ростки

В сухом и влажном, теплом и холодном
Не завладей я областью огня,
Местечка не нашлось бы для меня.

Фауст

Итак, живительным задаткам,
Производящим все кругом,
Объятый зависти припадком,
Грозишь ты злобно кулаком?
Что ж ты поинтересней дела
Себе, сын ночи, не припас?

Мефистофель

Об этом надо будет зрело
Подумать в следующий раз.
Теперь позвольте удалиться.

Фауст

Прощай, располагай собой.
Знакомый с тем, что ты за птица,
Прошу покорно в час любой.
Ступай. В твоём распоряженье
Окно, и дверь, и дымоход.

Мефистофель

Я в некотором затрудненье.
Мне выйти в сени не дает
Фигура под дверною рамой.

Фауст

Ты испугался пентаграммы?
Каким же образом тогда
Вошел ты чрез порог сюда?
Как оплошал такой пройдоха?

Мефистофель

Всмотритесь. Этот знак начертан плохо.
Наружный угол вытянут в длину
И оставляет ход, загнувшись с края.

Фауст

Скажи-ка ты, нечаянность какая!
Так, стало быть, ты у меня в плену?
Не мог предугадать такой удачи!

Мефистофель

Мог обознаться пудель на бегу,
Но с чертом дело обстоит иначе:
Я вижу знак и выйти не могу.

Фауст

Но почему не лезешь ты в окно?

Мефистофель

Чертям и призракам запрещено
Наружу выходить иной дорогой,
Чем внутрь вошли; закон на это строгий.

Фауст

Ах, так законы есть у вас в аду?
Вот надо будет что иметь в виду
На случай договора с вашей братьей.

Мефистофель

Любого обязательства принятье
Для нас закон со всеми наряду.
Мы не меняем данных обещаний.
Договорим при будущем свиданье,
На этот раз спешу я и уйду.

Фауст

Еще лишь миг, и я потом отстану:
Два слова только о моей судьбе.

Мефистофель

Я как-нибудь опять к тебе нагрюну,
Тогда и предадимся ворожбе.
Теперь пусти меня!

Фауст

Но это странно!
Ведь я не расставлял тебе сетей,
Ты сам попался и опять, злодей,
Не дашься мне, ушедши из капкана.

Мефистофель

Согласен. Хорошо. Я остаюсь
И, в подтверждение дружеского чувства,
Тем временем развлечь тебя берусь
И покажу тебе свое искусство.

Фауст

Показывай, что хочешь, но гляди -
Лишь скуки на меня не наведи.

Мефистофель

Ты больше извлечешь сейчас красот
За час короткий, чем за долгий год.
Незримых духов тонкое уменье
Захватит полностью все ощущенья,
Твой слух и нюх, а также вкус и зренья,
И осязанье, все наперечет.
Готовиться не надо. Духи тут
И тотчас исполнение начнут.

Духи

Рухните, своды
Каменной кельи!
С полной свободой
Хлынь через щели,
Голубизна!
В тесные кучи
Сбились вы, тучи.
В ваши разрывы
Смотрит тоскливо
Звезд глубина.
Там в притяженье
Вечном друг к другу
Мчатся по кругу
Духи и тени,
Неба сыны.
Эта планета
В зелень одета.
Нивы и горы
Летом в уборы
Облечены.
Все - в оболочке!
Первые почки,
Редкие ветки,
Гнезда, беседки
И шалаши.
Всюду секреты,
Слезы, обеты,
Взятые, отдача
Жаркой, горячей,
Страстной души.
С тою же силой,
Как из давила
Сок винограда
Пенною бурей
Хлещет в чаны,
Так с верхотурья
Горной стремнины
Мощь водопада
Всею громадой
Валит в лощину
На валуны.
Здесь на озерах
Зарослей шорох,
Лес величавый,
Ропот дубравы,
Рек рукава.
Кто поупрямей -
Вверх по обрыву,
Кто с лебедями -
Вплавь по заливу
На острова.
Раннею ранью
И до захода -
Песни, гулянье
И хороводы,
Небо, трава.
И поцелуи
Напропалую,
И упоенье
Самозабвения,
И синева.

Мефистофель

Он спит! Благодарю вас несказанно,
Его вы усыпили, мальчуганы,
А ваш концерт - вершина мастерства.
Нет, не тебе ловить чертей в тенета!
Чтоб глубже погрузить его в дремоту,
Дружней водите, дети, хоровод.
А этот знак - для грызуна работа,
Его мне крыса сбоку надгрызет.
Ждать избавительницы не придется:
Уж слышу я, как под полом скребется.
Царь крыс, лягушек и мышей,
Клопов, и мух, и жаб, и вшей
Тебе велит сюда явиться
И выгрызть место в половице,
Куда я сверху масла капну.
Уж крыса тут как тут внезапно!
Ну, живо! Этот вот рубец.
Еще немного, и конец.
Готово! Покидаю кров.
Спи, Фауст, мирно. Будь здоров!
(Уходит.)

Фауст
(просыпаясь)

Не вовремя я сном забылся.
Я в дураках. Пока я спал,
Мне в сновиденье черт явился
И пудель от меня сбежал.

РАБОЧАЯ КОМНАТА ФАУСТА

Фауст и Мефистофель.

Фауст

Опять стучится кто-то. Вот досада!
Войдите. Кто там?

Мефистофель

Это я.

Фауст

Войди ж.

Мефистофель

Заклятье повторить три раза надо.

Фауст
Войди.

Мефистофель

Вот ты меня и лицезришь.
Я убежден, поладить мы сумеем

И сообща твою тоску рассеем.
Смотри, как расфрантился я пестро.
Из кармазина с золотою ниткой
Камзол в обтяжку, на плечах накидка,
На шляпе петушиное перо,
А сбоку шпага с выгнутым эфесом.
И - хочешь знать? - вот мнение мое:
Сам облекись в такое же шитье,
Чтобы в одежде, свойственной повесам,
Изведать после долгого поста,
Что означает жизни полнота.

Фауст

В любом наряде буду я по праву
Тоску существованья сознавать.
Я слишком стар, чтоб знать одни забавы,
И слишком юн, чтоб вовсе не желать.
Что даст мне свет, чего я сам не знаю?
"Смирять себя!" - Вот мудрость прописная,
Извечный, нескончаемый припев,
Которым с детства прожужжали уши,
Нравоучительною этой сущью
Нам всем до тошноты осточертев.
Я утром просыпаюсь с содроганьем
И чуть не плачу, зная наперед,
Что день пройдет, глухой к моим желаньям,
И в исполненье их не приведет.
Намек на чувство, если он заметен,
Недопустим и дерзок чересчур:
Злословье все покроет грязью сплетен
И тысячью своих карикатур.
И ночь меня в покое не оставит.
Едва я на постели растянусь,
Меня кошмар ночным удушьем сдавит,
И я в поту от ужаса проснусь.
Бог, обитающий в груди моей,
Влияет только на мое сознание.
На внешний мир, на общий ход вещей
Не простирается его влияние.
Мне тяжело от неполноты такой,
Я жизнь отверг и смерти жду с тоской.

Мефистофель

Смерть - посетитель не ахти какой.

Фауст

Блажен, к кому она в пылу сраженья,
Увенчанная лаврами, придет,
Кого сразит средь вихря развлечений
Или в объятьях девушки найдет.
При виде духа кончить с жизнью счеты
Я был вчера на радостях не прочь.

Мефистофель

Но, если я не ошибаюсь, кто-то
Не выпил яда именно в ту ночь?

Фауст

В придачу ко всему ты и шпион?

Мефистофель

Я не всеведущ, я лишь искушен.

Фауст

О, если мне в тот миг разлада
Был дорог благовеста гул
И с детства памятной отрадой
Мою решимость пошатнул,
Я проклиная ложь без меры
И изворотливость без дна,
С какою в тело, как в пещеру,
У нас душа заключена.
Я проклиная самомнение,
Которым ум наш обуян,
И проклиная мир явлений,
Обманчивых, как слой румян.
И обольщение семьянина.
Детей, хозяйство и жену,
И наши сны, наполовину
Неисполнимые, кляню.
Кляню Маммона, власть наживы,
Растлившей в мире все кругом,
Кляню святой любви, порывы
И опьянение вином.
Я шлю проклятие надежде,
Переполюющей сердца,
Но более всего и прежде
Кляню терпение глупца.

Хор духов
(незримо)

О, бездна страданья
И море тоски!
Чудесное зданье
Разбито в куски.
Ты градом проклятий
Его расшатал.
Горюй об утрате
Погибших начал.
Но справься с печалью,
Воспрянь, полубог!
Построй на обвале
Свой новый чертог.
Но не у пролома,
А глубже, в груди,
Свой дом по-другому
Теперь возведи.
Настойчивей к цели
Насущной шагни
И песни веселья
В пути затяни.

Мефистофель

Мои малютки.
Их прибаутки.

Разумное их слово
Не по летам толково.
Они тебя зовут
Рвануться вон из пут
И мрака кабинета
В простор большого света.

Оставь заигрывать с тоской своей,
Точащею тебя, как коршун злобный.
Как ни плоха среда, но все подобны,
И человек немислим без людей.
Я не зову тебя к простолюдинам,
Мы повидней компанию найдем.
Хоть средь чертей я сам не вышел чином,
Найдешь ты пользу в обществе моем.
Давай столкнемся друг с другом,
Чтоб вместе жизни путь пройти.
Благодаря моим услугам
Не будешь ты скучать в пути.

Фауст

А что ты требуешь в уплату?

Мефистофель

Сочтемся после, время ждет.

Фауст

Черт даром для меньшого брата
И пальцем не пошевельнет.
Договоримся, чтоб потом
Не заносить раздора в дом.

Мефистофель

Тебе со мною будет здесь удобно,
Я буду исполнять любую блажь.
За это в жизни тамошной, загробной
Ты тем же при свиданье мне воздашь.

Фауст

Но я к загробной жизни равнодушен.
В тот час, как будет этот свет разрушен,
С тем светом я не заведу родства.
Я сын земли. Отрады и кручины
Испытываю я на ней единой.
В тот горький час, как я ее покину,
Мне все равно, хоть не расти трава.
И до иного света мне нет дела,
Как тамошние б чувства ни звались,
Не любопытно, где его пределы,
И есть ли там, в том царстве, верх и низ.

Мефистофель

Тем легче будет, при таком воззренье,
Тебе войти со мною в соглашенье.
За это, положишь на мой обет,
Я дам тебе, чего не видел свет.

Фауст

Что можешь ты пообещать, бедняга?
Вам, близоруким, непонятна суть
Стремлений к ускользающему благу:
Ты пищу дашь, не сытную ничуть.
Дашь золото, которое, как ртуть,
Меж пальцев растекается; зазнобу,
Которая, упав к тебе на грудь,
Уж норовит к другому ушмыгнуть.
Дашь талью карт, с которой, как ни пробуй,
Игра вничью и выигрыш не в счет;
Дашь упоенье славой, дашь почет,
Успех, недолговечней метеора,
И дерево такой породы спорой,
Что круглый год день вянет, день цветет.

Мефистофель

Меня в тупик не ставит порученье.
Все это есть в моем распоряженье.
Но мы добудем, дай мне только срок,
Вернее и полакомей кусок.

Фауст

Пусть мига больше я не протяну,
В тот самый час, когда в упоенье
Прислушаюсь я к лести восхвалений,
Или предамся лени или сну,
Или себя дурачить страсти дам, -
Пускай тогда в разгаре наслаждений
Мне смерть придет!

Мефистофель

Запомним!

Фауст

По рукам!
Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: "Мгновение, повремени!" -
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни.
Тогда вступает в силу наша сделка,
Тогда ты волен, - я закабален.
Тогда пусть станет часовая стрелка,
По мне раздастся похоронный звон.

Мефистофель

Имей в виду, я это все запомню.

Фауст

Не бойся, я от слов не отступлюсь.
И отчего бы стал я вероломней?
Ведь если в росте я остановлюсь,
Чьей жертвою я стану, все равно мне.

Мефистофель

Я нынче ж на ученом кутеже
Твое доверье службой завуюю,
Ты ж мне черкни расписку долговую,
Чтоб мне не сомневаться в платеже.

Фауст

Тебе, педанту, значит, нужен чек
И веры не внушает человек?
Но если клятвы для тебя неважны,
Как можешь думать ты, что клоч бумажный,
Пустого обязательства клочок,
Удержит жизни бешеный поток?
Наоборот, средь этой быстрины
Еще лишь чувство долга только свято.
Сознание того, что мы должны,
Толкает нас на жертвы и затраты.
Что значит перед этим власть чернил?
Меня смешит, что слову нет кредита,
А письменности призрак неприкрытый
Всех тиранией буквы подчинил.
Что ж ты в итоге хочешь? Рассуди,
Пером, резцом иль грифелем, какими
Чертами, где мне нацарапать имя?
На камне? На бумаге? На меди?

Мефистофель

Зачем ты горячишься? Не дури.
Листка довольно. Вот он наготове.
Изволь тут расписаться каплей крови.

Фауст

Вот вздор! Но будь по-твоему: бери.
Какие-то ходульные условия!

Мефистофель

Кровь, надо знать, совсем особый сок.

Фауст

Увы, тебя я не надую.
Я - твой, тебе принадлежу,
Раз обещаю к платежу
Себя и жизнь свою пустую,
Которой я не дорожу.
Чем только я кичиться мог?
Великий дух миропорядка
Пришел и мною пренебрег.
Природа для меня загадка.
Я на познание ставлю крест.
Чуть вспомню книги - злоба ест.
Отныне с головой нырну
В страстей клокочущих горнило,
Со всей безудержностью пыла
В пучину их, на глубину!
В горячку времени стремглав!
В разгар случайностей с разбегу!

